

Кирилл Юрченко

ГРОЗНЫЙ

Когда отступить некуда, псы становятся волками.

«КРЫЛОВ»

Кирилл Юрченко

**Грозный. Пес, который
искал человека**

«Автор»

2013

Юрченко К.

Грозный. Пес, который искал человека / К. Юрченко — «Автор», 2013

Реализован самый страшный сценарий ближайшего будущего: на свободу вырвался смертоносный вирус, выкашивающий города и страны. Опустели населенные пункты, люди выживают кто как может, повсеместно свирепствуют банды мародеров... В результате рискованных медицинских экспериментов на свет появился не только вирус, но и собака-телепат по кличке Грозный. Собака не может обходиться без человека. Но и те люди, к которым прибьется пес, вскоре уже не смогут обходиться без него. Грозный способен вытащить своих друзей-хозяев из самых гибельных передряг, способен почуять то, что недоступно человеку.

© Юрченко К., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Прерванное одиночество (вступление)	5
Часть 1. Секреты черной фермы	9
1	9
2	13
3	16
4	22
5	25
6	27
7	31
8	38
9	41
10	43
Часть 2. Сумрачная болезнь	46
1	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Кирилл Юрченко

Грозный. Пес, который искал человека

Прерванное одиночество (вступление)

Во всю линию горизонта тянется бесконечная степь, далеко-далеко растворяется в облачной дымке. Сама Земля кажется в этом краю идеально ровной, будто она и вправду – плоский диск на хребтах исполинских слонов. Тонкими лентами степь делят – крест-накрест – извилистая река да вечно пыльная, кроме зимы, дорога. Там, где они пересекаются, безликость гладкого, всегда однотонного пейзажа разбивается двумя цепляющими взгляд достопримечательностями. Это зубцы развалин сгоревшей фермы на одном берегу и огромный, как великан, старый тополь, что высится на берегу противоположном.

В бытность его пушинкой Тополь неведомо откуда принесло сюда ветром, но теперь он состарился и доживал свой век. Растрескался у корней, однако продолжал цепляться за жизнь, чтобы не упасть в вяло текущую под ним реку.

Тополь и раньше представлял собой зрелище загадочное и грустное, а теперь и вовсе пугал своим видом: его ветви, далеко раскинувшиеся над излучиной реки и когда-то образующие густую яйцевидную крону, теперь облысели, наклонились, и стали похожими на пальцы скелета: высохшие, обтянутые облупившейся кожей. О том, что Тополь еще жив, говорили куцые шапки листьев, торчавшие на некоторых макушках. Возможно, именно это обстоятельство – отсутствие густой листвы – и не позволяло ему рухнуть, когда начинались дни Ветра, когда река становилась невидимой от туч песка, приносимых сюда из далеких краев. Полуголые ветви Тополя култыхались от каждого порыва, и дрожь пронизывала гиганта от кончиков листьев до самых тоненьких корешков. Если бы Тополь понимал, что такое страх, вероятно, он узнал бы в себе это самое чувство.

Его лучшие дни прошли под знаком Солнца. Место ровное, других деревьев нет, он всегда рос один. Впрочем, в настоящем одиночестве никогда не оставался. Сначала с ним разговаривала трава, когда крохотный Тополь двумя нежно-зелеными листочками выглянул из земли и впервые ощутил потребность тянуться ввысь. Когда он перерос траву – научился общаться с Ветром, птицами и насекомыми, слышать тихий голос Реки, которая, впрочем, единственная вокруг, относилась ко всему с холодностью и умела разговаривать только сама с собой.

Благодаря неудержимой тяге к небу и природной силе, умноженной на годы, Тополь вымахал до высоты восьмизэтажного дома, а обхватом мог потягаться с каким-нибудь долго живущим кедром. Но кедров, чтобы сравнить, здесь никогда не росло, а ближние дома на ферме не превышали двух этажей.

Многочисленные и подчас громкие звуки сопровождали Тополь большую часть жизни. На ферму часто приезжали грузовые машины. Подвозили стройматериалы, лес. Работала пило-рама, и постоянно, из года в год, шумело какое-нибудь строительство: ферма расширялась. В жаркие летние дни люди с фермы по мостику переходили на его сторону и проводили рядом часы, нежась на мягкой, как перина, траве под горячим солнцем, но эти существа – люди – всегда оставались для Тополя загадкой. Иногда они причиняли ему боль, пытаясь вырезать на коре какую-нибудь надпись. Или когда подолгу раскачивались на веревке, подвешенной к тяжелой нижней ветви, если хотели прыгнуть как можно дальше в речку.

Очень давно, когда ветви молодого Тополя еще только стали достаточно высоки и прочны, чтобы свить на них гнезда, его облюбовали вороны; не одно поколение их по праву считало Тополь своим домом. Каждую весну они устраивали драки, пытаясь выяснить, кому

в этот раз посчастливилось занять свитые предками гнезда, а остальным – обитать на ферме в соседстве с людьми.

Но в один год ворон не стало. Тополь запомнил это время по тусклому солнцу и особенно обильным дождям, после которых оставались болезненные ожоги на нежных, едва распустившихся листьях, очень скоро пожелтевших. Цвета полусгнившей соломы была все лето и степь вокруг.

В зиму он ушел больным, возможно, из-за этого и появилась в его теле гниль, которая быстро начала подтачивать недавно пышущее здоровьем тело. Два года то непривычно холодное лето напоминало о себе неприятным брожением в соках и бледной слабой листвой, едва ли напоминавшей тот пышный наряд, каким он мог похвастать раньше. Да и птиц, которые могли бы прятаться в листве, так и не появлялось.

На третий год, когда Тополь совершенно больным и измученным очнулся от спячки, ферма изменилась до неузнаваемости: она выглядела мертвым угольно черным пятном, особенно отчетливым на фоне молодой травы. Из всех строений уцелел только ветхий лодочный домик, построенный когда-то под обрывом и стоявший на противоположном от фермы берегу.

Дни становились теплее, пролетали недели, повсюду буйствовала зелень, но ни звука не исходило с той стороны, никто из людей не приходил к нему. И бездвижным оставался пейзаж вокруг. Неизвестно, умел ли Тополь ощущать тоску, но, вне всяких сомнений, ему должна была показаться непривычной эта тишина: даже в самый разгар дня он мог отчетливо слышать шелест собственных редких листьев и поскрипывание высохших ветвей.

С этого момента перевалив за какую-то невидимую черту, Тополь быстро умирал, неизбежность проглатывала все новые и новые ветви, пока он за какие-то три месяца не превратился в фантомное подобие мертвой человеческой руки. Перестойный ствол его сильно растрескался снизу, сердцевина превратилась в труху. Этим однажды воспользовался барсук: обнаружив трещину, расширил ее, намереваясь устроить под старым деревом вход в нору, однако вскоре решил, что это место не совсем подходит для его цели, и бросил затею, предпочтя уйти дальше вниз по реке, где чаще встречалась мелкая живность.

На изломе лета, когда началась самая жара, после очередной песчаной бури откуда-то из степи появился человек. Он долго-долго шел по дороге, взбивая усталыми ногами клубы пыли, и наконец, измученный ходьбой, остановился под узкою тенью дерева, глядя на то, что осталось от фермы.

Тополю, вероятно, было приятно, что кто-то живой вновь появился рядом. Дерево будто демонстрировало это своими куцыми листьями, приветливо трясущимися даже без ветра. Но человек ничего такого не замечал.

Он занял возвышающийся над обрывом низкий чердак лодочного домика, люк которого выходил прямо под корни тополя, оставалось только сделать что-то вроде трапа. Натаскал с фермы попорченные огнем доски, чтобы заодно поправить ветхое жилище. Немного позже на чердаке разместилась небольшая металлическая печурка, принесенная с фермы, узкий стол из досок, кровать, собранная из ящиков, и масса инструментов и разных найденных вещей, которые должны были помочь человеку выжить. Его первый поход в степь знаменовался удачей, и в тот же вечер над берегом заструился дымок, пропитанный запахом готовящейся на огне дичи. А перед тем, впервые за годы, раздались звуки пилы и топора: из натасканных досок человек заготавливал дрова на предстоящие дни.

На следующее утро человек вышел из своего домика и увидел какое-то животное, метнувшееся от него в густую траву. На сонный взгляд не разобрал, кто это был, но за карабином возвращаться не стал, решил постоять в неподвижности.

Вскоре из зарослей показалась собака. Это была дряхлая, измученная голодом сука. Высокая, длинноногая, она казалась невероятно худой. С виду – метис немецкой овчарки:

окрас, как у «немца», только с чуть выющейся, под «каракуль», шерстью, как у эрделя, и голова с бородой, с выглядывающими из-под бровей большими умными глазами и заглаженными назад ушами. Сука подняла нос, поводила ноздрями, испуганно вбирая в себя исходившие от человека и его жилища запахи.

Следом за сукой на тропинку выскочил щенок. Такой же кудрявистый, разве что потемнее, рыже-черный, с живыми крупными глазенками. Если он и казался упитанным, то лишь на фоне отощавшей матери.

Человека щенок видел первый раз в жизни, но запах был ему как будто знаком, а тысячами передававшаяся в генах память предков говорила, что двуногому существу, возвышающемуся перед ним, следует доверять. Однако мать его, кое-что испытывавшая в жизни, была иного мнения. Едва щенок сделал шаг к человеку, она зарычала. Непослушный отпрыск не внял предупреждению, тогда она грубо вцепилась в загривок и утащила щенка в траву, невзирая на жалобный писк.

На восстановление утраченной связи между человеком и одичавшим представителем царства животных, первым из когда-либо прирученных им, ушло несколько дней. Сначала человек подбрасывал на тропинку, ведущую к его жилищу, остатки собственной трапезы или внутренности освежеванной добычи. Первое время он прятался, поскольку собака ни в какую не желала забирать еду в его присутствии. Наблюдая за ней сквозь щели между досками, он ни разу не видел щенка, тот скрывался где-то в траве, поджидая мать, и покуда не рисковал нарушить табу. Но постепенно недоверчивая собака перестала таиться и сама встречала человека, слегка помахивая кончиком хвоста, и вот наконец однажды вышла к нему из-за угла жилища. Человек понял, что сука и щенок поселились в норе, которую он заметил под тополем.

Недоверчивость отступала. Собака начала принимать (а скорее, выхватывать) еду из его рук – на это тоже потребовалось время. Но гладить себя не позволяла, мгновенно уклонялась, едва он протягивал к ней пустую ладонь. Великим достижением стал тот день, когда она, довольная, булькающая отрыжкой от чрезмерной сытости, позволила щенку приблизиться к человеку и получить от него порцию ласки. Но едва щенок вернулся к ней, тут же напустила на себя строгость и принялась ругать, погнала к норе, чтобы спустя несколько минут снова лениво распластаться на горячей траве и разрешить щенку ластиться к человеку, покусывать его приятно пахнущие пальцы, которые щенок находил весьма удобными в качестве чесалки для растущих зубов.

С тех пор как человек взял собак под свою опеку, оба – сын и мать – на глазах стали поправляться. Особенно щенок, которому перепадала порой львиная доля, мгновенно превращаемая растущим организмом в энергию. Он был таким живым и подвижным, что позволял себе, играя, чересчур активно бросаться и рычать на мать. Иногда на человека, если тот готов был принять участие в его игре. Он умел изображать из себя довольно злобного пса и рычал почти натурально, особенно если человек дразнил его палочкой, то позволяя схватиться за кончик, то пытаясь выдернуть из пасти.

Однажды человек так увлекся, дразня щенка, что тот издал необычно сильный утробный рык, от которого дрожь пробрала до костей, и человека словно обожгло током. Щенок испугался сам: ошалело захлопал глазками, не понимая, что произошло, и запросился к человеку на руки.

– Какой ты грозный, однако!.. – сказал тот и повторил это слово несколько раз.

Гладить щенка приходилось осторожно, впрочем, тот вскоре позабыл о случившемся, и снова так и норовил щелкнуть маленькими острыми зубками, желая уцепиться за пальцы или рукав. Человек терпеливо и настойчиво не давал ему расшалиться.

– Грозный! Ты будешь Грозный, приятель!.. Грозный!.. – неизменно повторял он, даруя ласку.

Это слово понравилось щенку. В нем сходились воедино и этот странный непонятный пугающий утробный рык, неведомо как зародившийся в его груди, и требовательный голос матери; удар топора человека или выстрел его ружья, но в то же время – доброта и тепло людских рук. А также беззаботное чувство довольства и сытости, присущее всем детям, которые пребывают в счастливом неведении относительно окружающего их мира.

Счастлив был и человек. Ему теперь было с кем поговорить. Когда он рассказывал что-нибудь, то лежавшая рядом сука внимала его речи, в отдельные моменты с интересом и удивлением наклоняла голову, будто желая разобраться в его словах и находя в них что-то очень знакомое, иногда вызывающее грусть и боль, а иногда – что-то схожее с чувством восторга. И если человек подмечал такую перемену в ее настроении, он повторял свои последние слова, и она могла ответить ему повизгивающим лаем. И тогда щенок, лежавший в его ногах, просыпался с желанием снова играть, и чтобы его опять называли полюбившимся словом.

Неизвестно, что чувствовал Тополь, и замечал ли он на самом деле такое соседство, но воля к жизни еще таилась в нем, и в то лето у подножия проклюнулись свежие побеги от корней, дарующие надежду на обновление.

Часть 1. Секреты черной фермы

1

Грозный не знал еще, что у его матери тоже есть имя – Тира. Он даже не помнил своих братьев и сестер. В глубинах его памяти сохранились только невнятные ощущения того, что не один он желает сосать молоко и что приходится пихаться и толкаться, дабы отвоевать свою порцию. В первые дни жизни он почти непрерывно спал, вместе с другими щенками млея от собственной сытости и тепла материнского брюха.

Но потом что-то произошло. Он помнил едва различимый только зарождающимся слухом неясный шум, а затем – отчетливо неприятный холод и горячее дыхание матери, которая тащила его, еще слепого, неизвестно куда, где бросила одного, чтобы вернуться за другими щенками. А он, не чувствуя ее рядом, пищал от страха, пугаясь недоброжелательного, пронизанного сыростью пространства, отчаянно желая, чтобы она вернулась. Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем его желание было удовлетворено, и тогда он принялся тыкаться носом в живот матери, жалуясь и призывая отдать ему всю любовь, не зная, что с этой минуты только он один и может на нее рассчитывать.

Это случилось ночью, ранней весной, когда только-только сошел снег. Тира запомнила пожар и чужаков, от которых несло резиной, металлом и еще чем-то очень опасным. Это, скорее, был даже не запах, а чувство, но воспринималось оно именно так: будто от незваных гостей разило чем-то нестерпимо отталкивающим. Сами пришельцы тоже были весьма страшны: с тяжелыми круглыми выпуклостями вместо рта и огромными хищно-черными глазами. Тира ни разу не видела противогаса, и чужаки казались ей невиданными монстрами, от них почти не пахло настоящими людьми, каких она знала.

Когда вооруженные люди, одетые в костюмы химзащиты, ворвались на ферму, они принялись уничтожать все вокруг, поливая здания и постройки горячей жидкостью, намереваясь уничтожить их вместе с той живностью, что обитала в загонках. Их не останавливали крики работников, которые призывали пощадить ни в чем не повинную скотину.

Напуганная внезапно вспыхнувшим огнем, Тира схватила одного щенка и побежала в угол сарайчика, где находилось ее логово: там был давно прорыт ею незаметный лаз, выходящий за территорию. Крадучись, она добежала до мостика и очутилась на другом берегу, где спрятала щенка в траве. Когда вернулась за следующим – не смогла приблизиться к ферме. Сделать это не позволил страх перед огнем, и то самое, похожее на запах, ранее неизведанное чувство, которое принесли с собой чужие люди. Она слышала крики, звуки выстрелов, визг других собак, плач и крики животных. Прежде чем вернуться к оставленному в степи щенку, некоторое время Тира в ужасе наблюдала за людьми и машинами.

Это были большие военные грузовики. В две машины загнали людей с фермы. Еще три грузовика подкатили к пока еще целому лабораторному корпусу, откуда солдаты вытаскивали на мерзлую землю какие-то ящики, звенящие внутри стеклом. Когда погрузку закончили, здания лаборатории тоже подожгли.

Но чужие люди не торопились уходить. Они обследовали пространство вокруг горячей фермы, по мостику перебрались на другую сторону, заставив Тиру снова бежать, пытались поджечь степь, но прошлогодняя трава успела впитать в себя талую воду, а по-настоящему солнечных дней, чтобы все высохло, еще не было, и затея провалилась.

Когда грузовики уехали, ужас никуда не отступил. Теперь суе стало особенно страшно – от одиночества и витавшего над фермой и вокруг нее запаха смерти.

Долго еще зарево огня стояло над степью, отражаясь от низко висящих облаков, и слышно было, как «стреляют» куски шифера, громяхают и рушатся створенные конструкции и скрипит, будто завывает, искореженный в пламени металл...

В первые недели жизни Грозного его единственным покровителем была мать. Но дряхлой суке самой приходилось трудно. После долгих лет, проведенных рядом с человеком, ей приходилось учиться охотиться на вертких мышей и ящериц, впрочем, с малой надеждой на успех; выискивать лягушек, чаще же довольствоваться улитками и недалеко прячущимися в земле червями. Зачастую Тира оставалась полуголодной, стараясь отдать все щенку, уже нуждавшемуся в более основательной пище, чем одно молоко. И только если добыча оказывалась достаточной, она насыщалась сама. Так, в постоянной борьбе за выживание, прошло больше трех месяцев. Тира, быть может, и мечтала вернуться на ферму, где беззаботно жила раньше. По ночам, когда ее лапы дрожали во сне, вероятно, ей виделось, как она радостно бежит по двору, счастливая от изобилия доступной еды...

Собак на ферме было немного, и всем им, пока не пришла та ночь, жилось отлично, тем более что друзья человека вели праздную жизнь: охранные и сторожевые функции были возложены на электронные системы. Собаки же обитали в довольно просторных вольерах, кормили их весьма сытно, а поскольку большинству из них в свое время довелось нюхнуть жестокого голода, издевательств и побоев, жизнь на ферме казалась им раем. Ничего страшнее малоблезненных укусов они в новой жизни не испытывали, а если заводили их когда-либо в лабораторные корпуса, то лишь для того, чтобы измерить, взвесить, что-то ощупать, дать поиграть в неизменную игру «я спрячу, а ты найди», а потом дать особо сытную пайку в качестве компенсации за беспокойство.

Тира была из недавно прибывшей партии собак, и еще побаивалась людей, не зная, чего от них ждать. Старую суку привезли на ферму уже беременной и потому, вероятно, ее пока не беспокоили. К ней приходила только одна женщина и каждый день подкармливала чем-нибудь вкусненьким. К концу недели Тира уже заранее начинала ждать ее появления. Она была щедра, и никакая подачка не казалась лишней. Когда женщина впервые вошла в вольер, Тира поначалу испугалась. Но недоверие быстро прошло, и на второй или третий день Тира даже позволила себя погладить. С тех пор все шло по отработанному сценарию с неизменными ласками и лакомой подачкой.

И вот, в один из дней, женщина по обыкновению гладила Тиру и что-то ласково говорила. Собака не понимала слов, и опасности не чувствовала, разомлела, когда ей стали почесывать шею и грудь. А потом женщина вдруг прижала Тиру к себе и сделала короткий укол, после чего снова продолжила гладить и чесать, так что собака даже не поняла ничего. А вскоре все поплыло у Тиры перед глазами. Того, что происходило дальше, она видеть не могла, и вряд ли что-то воспринимала своим впавшим в сон сознанием.

Ее на руках внесли в заставленную всевозможными предметами лабораторию. Шумели приборы, что-то булькало в стеклянных емкостях, повсюду горел яркий свет. Женщина кого-то позвала, и вышел мужчина в белом халате, лицо его закрывала маска.

– Ты просил, я сделала, – сказала женщина. – И теперь чувствую себя предательницей.

Мужчина ничего не ответил. Глаза его были напряжены от раздумья, когда он смотрел на спящую собаку.

– Может, скажешь, что ты хочешь получить? – спросила женщина. – И почему именно собака?

– С собаками у нас очень налаженное взаимопонимание, – ответил он. – Ты читала когда-нибудь Сетона-Томпсона?

– Читала и рыдала, – кивнула женщина.

– У него где-то сказано: связь между человеком и собакой может исчезнуть только с жизнью. Тонко понимал человек...

– Мне кажется, она слишком старая для опытов, – сказала женщина, бережно укладывая собаку на стол.

– С чего ты взяла, что она – мой подопечный? – неожиданно спросил он.

– То есть ты хочешь ввести щенкам?! Через плаценту?

– Именно так. Идеальный вариант – внутриутробный. Она действительно слишком стара. Вполне возможно, что это ее последний помет. Поэтому я не хочу ждать. Других сук детородного возраста на ферме нет. А ради этого ехать в город...

Женщина ушла. Мужчина наклонился к спящей собаке и погладил.

– Не бойся. Тебе не будет больно, – обратился он к ней, как будто Тира могла слышать. – И щенкам не будет больно. Я сделаю это очень осторожно.

Очнулась Тира там же, в лаборатории. В решетчатом загончике. Некоторое время она приходила в себя, затем немного поскреблась, потявкала жалобно, и к ней пришли – та самая добрая женщина.

– Не волнуйся, придется тебе некоторое время побыть здесь! – сказала она, поглаживая ее нос через решетку. Тира лизнула руку.

Ей насыпали корм – обалденно пахнувший, такого аромата она в жизни не слыхивала. Но Тира не готова была променять свободу на еду, и первый день пребывания под замком отказывалась от пищи, а вот ласку женщины принимала охотно, давая понять, что находится в ее власти и готова вести себя как шелковая, лишь бы дозволили убраться отсюда. На следующее утро она поела, но лишь немного, а уже к вечеру смирилась. Третий день ознаменовался свободой, но при этом ее не стали снова загонять в вольер, а разрешили свободно перемещаться по ферме, чему сука была несказанно удивлена. Такое великодушие людей распространялось лишь на нескольких избранных собак, у которых был от природы незлобивый характер. Тира влилась в их компанию.

– Это что, тоже часть эксперимента? – спросила женщина, наблюдая через окно лаборатории, как за сеткой периметра, приветливо виляя хвостами, обнюхивают друг дружку собаки, принимая новенькую.

– Поглядим, что из этого выйдет, – сказал мужчина отчего-то мрачным тоном.

– Ты не веришь в результат?

– Их столько было, ошибок, что я теперь могу только надеяться.

– А ты не боишься выпускать ее из лаборатории. Вдруг что-нибудь случится? Еще холодно.

– Нет, пусть все идет своим чередом. Да и что ей станет уличной собаке? Ты, главное, ее хорошо корми. Вот родит, тогда и решу, что делать дальше.

– А как ты узнаешь, что у тебя получилось?

– Всему свое время. Они хотели изменить мир, а пришли к тому, чтобы его уничтожить. Мне остается сделать хоть что-то, что может это предотвратить...

Еще пару дней Тира чувствовала себя неважно. Ее иногда подташнивало и хотелось больше лежать. О болезнях она не имела ни малейшего представления, даже о тех, какими в свое время переболела сама. Но в этот раз болела не она, а щенки в ее утробе. Это была не опасная болезнь, а необходимое условие в задаче, придуманной человеком. Щенки должны были родиться через две недели.

После того, как Тиру выпустили из лаборатории, мужчина ежедневно интересовался ее состоянием. Он позаботился, чтобы собаке отвели место в углу дальнего сарая, там насыпали солому и поставили кормушку. Но, впрочем, на этом его участие кончалось. Два раза в день добрая женщина кормила Тиру лично, принося тот самый вкусный корм, от которого Тира

более не отворачивалась. Днем позволялось свободно гулять по ферме, а ночью женщина все же отводила собаку в сарай и запирала до утра. Впрочем, Тира не возражала. Она приближалась к тому моменту, когда ей самой хотелось искать уединения. К тому же в углу сарая ею уже был заготовлен подкоп – так, на всякий случай.

Когда родились щенки, женщина была обеспокоена за Тиру и ее приплод. На все призывы вернуть собаку в лабораторию человек возражал, что естественные условия – самое лучшее, и не нужно ничего придумывать.

Через неделю после рождения щенков на территорию ворвались военные. Они согнали всех людей к машинам и принялись крушить все подряд, сжигали постройки, скот, стреляли в собак и вообще во все, что двигалось по территории. Если бы на ферме и рядом обитали птицы, их постарались бы уничтожить всех. Но птиц над степью не появлялось уже давно.

Люди в противогазах бережно отнесли только к содержимому лаборатории. Вынесли из нее все до малейшего предмета, и только потом изнутри и снаружи облили деревянное здание бензином и подожгли.

Из всех животных на ферме выжили только они двое – Тира и ее щенок. Неизвестно, что здесь сыграло больше, случайность или перст судьбы. Возможно, только для того дряхлой суке и давалась жизнь, чтобы выкормить и взрастить единственного уцелевшего щенка, носившего в себе тайну человеческого вмешательства. Благо степь начинала выходить из спячки, всякой мелкоты стало вдоволь, а Тире всего-то нужно было – вспомнить повадки хищного зверя, который жил в ней и никогда не исчезал до конца.

К сгоревшей ферме сука не приближалась: не позволял тот «запах», связанный с трагедией, и никуда не девшийся. Но и удаляться от фермы Тира боялась, как будто надеялась, что когда-нибудь сюда вернется та женщина, заботившаяся о ней.

Острый «запах» с фермы напоминал Тире дух чужих людей, уничтоживших все, что она любила, и что составляло ее жизнь. И когда в один из дней сука с уже хорошо подросшим щенком направлялась к речке, чтобы поохотиться на ящериц, расплодившихся вдоль обрывистых склонов, и внезапно наткнулась на человека, исходившая от него смесь запахов резины, металла и сгоревшего пороха заставила ее вспомнить тот жуткий страх, который вынудил ее бежать, прихватив с собой щенка. Этот запах опасности и не позволил Тире быстро привыкнуть к чужаку, к тому же она всегда чуралась людей.

Напротив, с особым любопытством к двуногому отнесся ее щенок, у него не возникало никаких дурных предчувствий. Так, через их начавшуюся дружбу, постепенно и к Тире вернулось желание быть ближе к человеку, которого она теперь оценила в качестве главного добытчика и вожака.

2

Устав от беготни за бабочками, Грозный припелся к человеку и, сидя у порога, наблюдал за тем, как тот что-то делает за столом. Со дня их встречи щенок уже заметно подрос и здорово походил на мать, разве что не был еще таким курчавым, как Тира, и куцая бороденка у него была смешная. Весь он казался несерьезным, но вот темные бусины глаз под начинающими густеть бровями обрели завораживающий, немного даже пугающий оттенок, они будто светились, как у кошки, только темными рубинами, причем отнюдь не полумраке или ночью в отсвете огня, как это бывает – этот отсвет появлялся время от времени даже днем. Поначалу человеку было немного жутковато от такого открытия, но постепенно он привык, отметив это как еще одно подтверждение правильности избранного имени.

Человек разрешал щенку входить в свое жилище, несмотря на то что Грозный так и норovil что-нибудь погрызть, например, сапог, ножку стола или стула. Но сегодня, пожалуй, впервые он вел себя очень прилично, за что был поощрен косточкой.

Изредка поглядывая на щенка, чтобы не прозевать момент, когда тот снова начнет шалить, человек изучал лист с нарисованной картой. На ней была схематически, от руки и в не совсем верном масштабе изображена ферма: корпуса, заборы, служебные сооружения. В центре каждого строения, в определенном углу его или рядом человек ставил крестик – это означало, что там он уже побывал, и в этом месте нечего искать. Иногда вместо крестика ставился вопрос, и это означало, что нужно еще раз постараться внимательно исследовать это место. Больше всего таких вопросов нарисовано было возле прямоугольника, означавшего лабораторный корпус.

Человек ходил на сгоревшую ферму каждый день. Нашел там кое-какие уцелевшие инструменты: лопату, выдергу, пожарный багор – и с их помощью разбирал обугленные завалы. Собаки провожали его только до мостика. Боязливая сука всегда останавливалась первой и не пускала щенка за человеком. Вынужденный подчиниться, щенок скулил и потягивал – как будто ребенок в расстроенных чувствах провожает отца, уходящего в неизвестность. Он успел так привязаться к человеку и полюбить его, что не мыслил и минуты без его присутствия.

Помимо этого в Грозном росло навязчивое желание во всем подражать человеку. Он постоянно старался быть с ним рядом. Если человек шел, он не отставал ни на шаг, да и забежать вперед не стремился, быстро научился поддерживать нужный темп и угадывать верный курс. Если человек садился, он тоже присаживался у его ног. Или лежал, если человек намерен был отдохнуть. Он даже чувствовал, когда двуногому хотелось побыть одному, и тогда позволял себе побегать, попрыгать за бабочками или кузнечиками. Иногда забывался и, если убегал слишком далеко, спохватываясь и стремглав бежал к человеку, стараясь угадать, можно ли уже подойти или еще не время. А уж если его звали – тотчас мчался назад, не разбирая дороги.

Тира поначалу сильно беспокоилась и сопровождала их двоих, как бы желая убедиться, что двуногий не сделает ее отпрыску ничего плохого, но затем стала отпускать щенка одного – на прогулки с человеком вдоль реки или по дороге, или вглубь степи.

Но вот к ферме идти ни за что не позволяла. Там ее страх принимал угрожающие формы. Если щенок не слушался, она принималась так лаять и беситься, что человеку самому приходилось возвращать ей сына. И уж тогда его ждала неслыханная трепка. Однако щенок продолжал рваться за человеком, и никакому наказанию не суждено было отвадить его.

Человеку было любопытно это неистовое желание. Сука вела себя правильно. А вот щенок – нет.

– Ну что, ты опять за мной? – по обыкновению спрашивал человек, собираясь пойти за реку. – И не боишься?

Он уже догадался, что на сгоревшей ферме работает специальная установка, генерирующая многочастотный сигнал, отпугивающий от территории любых животных. Радиус действия был невелик, зато установка могла проработать чертову уйму времени, создавая карантинную зону в течение длительного срока. Излучение было столь действенным, что даже он, переходя через мостик, испытывал довольно мерзкое ощущение, которое приходилось перебарывать. И все же он сознательно нарушал карантин, зная, что цель стоит того, чтобы потерпеть.

Впрочем, нельзя сказать, что источник страха совсем не действовал на Грозного. Но разлука с матерью, вероятно, не показалась бы ему такой трагичной, как разлука с человеком, к которому он прикипел сердцем и бесхитростной собачьей душой. Щенок готов был бороться со страхом, ради того чтобы всегда оставаться рядом с двуногим. И это была не блажь, а необходимость. Ужасным казался ему миг вынужденного подчинения матери. Тоска и немочь разрывали его душу: он рвался к человеку – мать его не пускала. Зубы Тиры были остры, а Грозному еще не доставало юркости, чтобы избежать выволочки заслушание.

Но рано или поздно Грозный должен был выйти из-под опеки матери. Он учился огрызаться и делал на этом поприще заметные успехи. Однажды, во время очередной борьбы за право отправиться с человеком, он сумел вырваться из далеко не дружеских объятий Тиры и помчался к мостику. Обогнал двуножного и остановился метрах в двадцати дальше него. Обернулся и посмотрел назад, на исходящую лаем мать. Та пыталась углубиться в границы очерченного излучателем круга, но быстро сдалась. Возможно, будь Грозный совсем беспомощным щенком, она бы пошла и дальше, даже с риском получить сердечный приступ от страха – естественной реакции на излучение. Но сейчас все надежды ее были на человека, что он вернет ей заблудшего сына.

– Ты что же с матерью делаешь, паршивец?! – заругался на Грозного человек, меж тем улыбаясь и с интересом наблюдая за происходящим.

Грозный не двигался. Человек тоже не решался подойти к нему или подозвать.

Со стороны это была странная картина. Все трое ждали.

Прошла минута, две.

И дряхлая сука сдалась. Она поскулила немного, повертелась на месте и улеглась в траве, отвернувшись, но всем видом своим демонстративно показывая, что будет ждать их возвращения и с места не сдвинется.

– Ну что, идем? – шепнул человек, проходя мимо щенка.

И тот засеменил рядом, изредка оборачиваясь на мать и пытаясь уловить ее исчезающий запах. Теперь ему стало гораздо страшнее, чем раньше, когда он только делал попытки вырваться из-под ее излишней заботы.

– Ты меня удивляешь, Грозный! – с уважением произнес человек, замечая, что желание щенка идти за ним несравнимо сильнее того отталкивающего излучения с фермы. – Могу поклясться, ты самый необычный пес на свете.

И он задумчиво посмотрел на щенка. Какой-то догадкой озарилось его лицо, но он ничего не произнес вслух.

Сегодня ему предстояло подкопаться под левый дальний угол сгоревшей лаборатории. На его карте в этом месте обозначен был сарай-дровяник, который теперь представлял собой кучу головешек, рассыпающихся под ударами лопаты в черную пыль. Вчера он расчистил пространство до земли и даже подкопался на штык, а теперь намерен был довершить начатое.

Долго, с перекурами, он рыл землю, пока лопата не ударила во что-то твердое. Еще некоторое время понадобилось, чтобы освободить от земли деревянный люк, под ним человек обнаружил лестницу, исчезающую в темноте погреба.

Когда двуногий исчез под землей, Грозный заволновался и затаивался.

– Иди сюда! А то мать изведешь! – Показались руки, и человек, схватив его, утащил за собой вниз, чувствуя, как бешено колотится сердце щенка.

Очутившись на дне подземелья, Грозный принюхался. Отчетливо пахло корешками и червями. И еще чем-то непонятым. Но чужого присутствия Грозный не ощущал. И все же зарычал для порядка на красные и зеленые огоньки, вроде глаз.

– Это компьютер, дурашка! – сказал человек, поглаживая щенка, к которому постепенно возвращалась уверенность. – Значит, все правда! До записей они не добрались. Надо отдать должное, здорово придумано!

Человек отсоединил модем, отключил от источника питания компьютер – это был компактный ноутбук в металлическом корпусе – и вытащил устройство на свет. Следом – щенка. Еще целый час потратил на то, чтобы вернуть рыхлый грунт обратно, а в довершение обвалил на это место державшуюся на честном слове кирпичную облицовку выгоревшей стены.

– Ну, вот и все! – сказал он. Взял под мышку компьютер и направился к берегу. Радостный щенок бежал за ним, совершенно не задумываясь о грозящей разборке с матерью.

Но Тира была счастлива, что они вернулись. Издали заметив их, начала прыгать от радости. А когда приблизились, всячески выражала человеку свою благодарность, облизывала руки и вертелась юлой.

Когда вечером человек вышел из своего домика, собаки по обыкновению ждали его у порога, рассчитывая на кормежку.

– Тира! – позвал он, и сука тотчас вскочила, радостно залаяв.

– Так, значит, это ты и есть! – воскликнул человек и ласково потрепал ее.

Подбежал Грозный и начал задирается.

– Ну а вы, сударь, именно тот, кто мне нужен. Я даже не сомневаюсь! – сказал человек и подхватил щенка. – Ну, а меня зовут Андрей Рокотов. Видишь, у меня тоже рычащая фамилия, несмотря даже на кошачье окончание. Р-р-р-рокотов! Р-р-р-р!

Он несколько раз качнул щенка на руках, как игрушку, делая вид, что желает подбросить. Грозный сначала испугался, затем зарычал в ответ – не то сердито, не то радостно-восторженно.

3

Свою мать Грозный воспринимал как существо одного с ним типа. Но не менее родным казался ему человек, чей высокий рост и прямостоячая походка обязывали щенка к уважению и признанию старшинства. Природное любопытство щенка и его жадное стремление понять и опробовать «на вкус» все неизвестное нашли свой выход в самый подходящий для этого момент, когда Грозный только начал активно познавать мир. Если бы возле фермы не появился человек или Тира оказалась бы слишком недоверчивой, чтобы присоединиться к двуногому, щенок неизбежно превратился бы в диковатого зверя, рассудочная деятельность которого ограничена только правилами поведения в естественной среде.

Но теперь на него каждый день обрушивалось море информации, что требовало усиленной работы его еще зачаточного сознания. Будучи с рождения беспомощным, Грозный должен был учиться постепенно, узнавая и запоминая все новое, что открывалось ему. В отличие от какого-нибудь детеныша сайгака, уже на четвертый-пятый день становящегося хорошим бегуном, наследственная программа щенка не предусматривала такого быстрого развития, но тем надежней и шире становились усвоенные знания. И это тоже объединяло его с человеком, который в начале своей жизни вынужден проходить еще более долгий путь взросления. Однако, в отличие от сородичей, внутри Грозного происходили никому не ведомые процессы. Они должны были подстегнуть его развитие. Насколько – никто не знал. И трудно сказать, было ли так действительно задумано, или сыграли роль другие обстоятельства, но Грозный обещал стать очень умным и сообразительным псом. Естественно, при условии, что рядом окажется тот, кто возьмет себе в обязанность учить и направлять.

Значительную часть первоначального опыта Грозному привила мать. По мере того как сынок начал проявлять активность, она брала его с собой на прогулки, учила огибать непреодолимые препятствия, остерегаться ям и промоин, не каждую из которых можно перепрыгнуть, опасаться разных неизвестных звуков. Кроме того, он должен был уяснить рамки допустимых норм. Если мать призывала к порядку, необходимо подчиниться, если звала в игру – можно устроить возню, но никак не наоборот. Когда у него начали прорезаться молочные зубы, он научился различать, в каких обстоятельствах и с какой силой пускать их в дело. Так, под чутким руководством Тиры, он овладевал всем тем, что изначально должна знать каждая собака.

С появлением человека пришлось постигать другие науки.

Андрей Рокотов не слишком хорошо разбирался в основах собачьего воспитания и действовал скорее интуитивно, разделяя богово и кесарево: позволяя щенку сделать правильный выбор между собственными инстинктами и тем, чему пытался его обучить. Первое время он удивлялся необычной смысленности щенка, входящей в противоречие с его представлениями о том, что к абстрактному восприятию действительности животные способны мало или неспособны вовсе. Но позже, когда Грозный показал отличное запоминание слов и их значений, это уже не вызывало особого удивления.

Перво-наперво Андрей обучил Грозного самым важным, как он считал, командам. Чтобы прибежал по первому зову, чтобы не смел кусаться или проказничать, если запрещают, чтобы ел тоже по велению и сидел неподвижно в ожидании, когда это нужно. Грозный выучил не только сами команды: «сидеть», «ко мне», «фу», «рядом» и так далее, но и все их разночтения, вроде: «нельзя», «хватит», «посиди», «иди сюда», «пошли» и тому подобное. Из найденных на ферме обрезков каких-то ремней Андрей сделал ошейник и в минуты, когда ему нечем было заняться (а это была большая часть дня), учил щенка ходить рядом, брать барьер и тому подобным вещам, и не удивлялся тому, что не приходится одергивать или заставлять силой – Грозный будто с полуслова понимал, чего от него требуют. Все делал играючи.

«А ведь еще только щенок!» – думал Андрей, когда в минуты отдыха немного грубыми и уверенными движениями массировал шею, плечи и голову собаки. Где-то давно он вычитал, что этим демонстрирует свое право лидерства.

«Нет, конечно, – рассуждал Андрей, – нельзя считать разум Грозного подобным человеческому. Как и нельзя утверждать, что при том же самом наборе органов чувств, у него должны быть одинаковые с человеком эмоции и ощущения». Разумеется, у Грозного были свои мысли, свои представления об окружающем мире, но все они оставались для Андрея за семью печатями. Щенок для него был тем ярким примером выражения «Все понимает, а сказать не может». Как немой ребенок. Так он к нему и относился – как к ребенку.

В детстве Андрей Рокотов сам пережил немоту, которая была вылечена стараниями заботливых родителей и добрых врачей – с этим ему, в отличие от многих других детей, страдающих мутизмом, анатрией и прочими заболеваниями, крупно повезло. У него был старший брат Сергей, с которым они, несмотря на разницу в возрасте, были удивительно похожими, почти как близнецы. Несчастье младшего сподвигло старшего на то, чтобы оказывать посильную помощь брату и всячески защищать его от нападков ровесников. Для обоих это была отличная возможность проявить свою братскую любовь. Казалось, она стала еще крепче, когда Андрей Рокотов наконец избавился от недуга.

Памятуя о благодарности к докторам, он и при выборе профессии решил пойти по этой стезе. Правда, стал врачом военным, хирургом, не раз участвовал в локальных конфликтах, миротворческих «операциях», и настоящие операции, бывало, выполнял под градом пуль, сам имел ранения. Но чем старше становился, тем острее было желание посвятить себя обществу, а еще лучше – детям, как те врачи, что изменили его жизнь. Своих детей у него не было, и семьи тоже. Как-то не сложилось.

Зато он не мог не порадоваться за своего брата. Родители могли гордиться старшим: Сережа пошел по научной стезе, и карьера его продвигалась стремительно. Он действительно был толковый человек. Много учился, потом с помощью денег отца даже основал свою научную лабораторию, желая строить бизнес на научных идеях, казавшихся такими привлекательными: начиная с новых методов лечения болезней, заканчивая воплощением мечты о продлении жизни, а может быть даже (как подозревал Андрей) о бессмертии – настолько одержимым казался всегда старший брат.

Дружба между братьями распалась внезапно. Причиной тому послужила смерть матери. Она заболела и истаяла быстро, как свечка. А потом случилось что-то и вовсе для Андрея несусветное: не прошло и года, как отец женился снова, на молодой женщине. После того как Рокотов узнал об этом, он посчитал свой сыновний долг исчерпанным.

Другое дело Сергей. Ему, вероятно, хватило мудрости простить отца. Он призывал Андрея помириться, но только спровоцировал ссору. Через какое-то время Андрей начал ощущать себя виноватым в разрыве с отцом и братом. Признавал в себе излишнюю спесь, нежелание поговорить по душам. Теперь-то он должен был сделать шаг к примирению, хотя бы начать с того, чтобы просто связаться с кем-нибудь из них и первым завести разговор. Но ничего не мог поделать с собой. Поначалу он с ревностью воспринимал случайные новости об отце и брате. Особенно о брате, который подарил отцу двоих внуков. Но когда брат и сам бросил прежнюю семью, Андрей понял, что тот пошел по стопам отца, его чувство вины утряслось, усохло и уже не беспокоило.

А покуда, медленно подбираясь к тому возрасту, когда некоторые люди уже умудряются заводить внуков, Андрей Рокотов так и не обзавелся семьей и продолжал скитаться по свету, как того требовала служба, не особенно задумываясь о своем будущем. Он с головой окунался в любую работу и не думал ни о чем кроме нее, а если совершал карьерные «прыжки», то вовсе не потому, что стремился к этому. И, в отличие от многих своих коллег, с готовностью

ввязывался в авантюры вроде участия в разного рода вооруженных конфликтах, где всегда требовались военврачи.

И вот однажды госпиталь, в котором Андрей занимал должность заведующего хирургическим отделением, развернули близко к его родным местам.

Работники медицинской службы особенно в суть назначения не вникали. Все, что знал Андрей, сводилось к тому, что там, на распаханых землях западно-сибирских степей, обитали общины так называемых Наследников.

Они принадлежали к не так давно появившейся глобальной общественной организации, исповедующей идею возврата к традиционному семейно-общинному укладу жизни, который объявлялся единственно верным для человека. Вроде бы ничего опасного и радикального. У них были свои опытные хозяйства по всему миру, с полями, фермами, покосами и всем, что полагается иметь порядочным земледельцам и скотоводам.

Андрей читал их невинные, в общем-то, воззвания. Вкратце они сводились к тому, что, мол, идет очередная мировая война, толчком к которой служат распри отнюдь не национальные или политические: по сути, идет всемирная гражданская, развернутая на фоне истощения биологических ресурсов планеты. Одну партию ее составляют апологеты синтетической биологии, ложно обещающие в скором времени насытить весь мир за счет чудес новых научных технологий. За этими «губителями Земли» стоят правительства многих стран, толстосумы-банкиры, безумные и бездумные производители и ученые – все те, кто одержим целью не только накопить страждущее человечество, но не забыть и про себя родимых.

Естественно, их противники, традиционалисты, или Наследники, ставили себя на другой стороне невидимого фронта, ставили своей целью, ни много ни мало, любой ценой предотвратить гибель планеты и вернуть биосфере нарушенный порядок. Когда-то они причисляли себя к «зеленым», гражданам Земли, пытались бороться с оголтелой научной экспансией парламентскими методами, но были слишком разьединены, чтобы что-то изменить. Но постепенно им удалось сплотиться, слиться в мощную силу, имеющую влияние по всему миру. Теперь за Наследниками были вера в божественное провидение, обостренное чувство справедливости и доведенный до фанатизма консерватизм. Не было ничего странного в том, что они нашли себе поддержку среди всех слоев населения. За них были сытые и голодные, богатые и бедные, больные и здоровые, белые и черные, – любой, для кого главным стал лозунг «Выбирай натуральное!». И сложно не выбрать, когда воздух отравлен, земля истощена, а природа бунтует.

Однако у всех здравомыслящих людей, к коим относил себя и Андрей Рокотов, возникал вопрос: каким образом Наследники хотят воплотить свои замыслы? Дураку понятно, что рассчитывать на сытость может лишь так называемый «золотой миллиард», традиционные технологии просто не в состоянии прокормить остальную многомиллиардную глотку, растущую день ото дня. Неизбежно придется экспериментировать, что-то придумывать, чем и занимаются правительственные институты. Но в то же время хотелось верить Наследникам. Их доводы и расчеты, приводимые в воззваниях, были вразумительны и логичны. Человечество, по-прежнему желающее сытно жрать, устало от всевозможных добавок и генномодифицированных продуктов. И тем более влиятельную силу стали представлять растущие как на дрожжах ряды поборников тех идей, которые выдвигали Наследники.

Но те, кто держал власть в своих руках, тоже не желали сдаваться. Возникшее в обществе противостояние должно было вылиться во что-то серьезное.

Одна из теорий народонаселения, теория Мальтуса, еще века назад утверждала об этом прямо: рост численности людей может быть остановлен лишь встречными причинами, которые сводятся к нравственному воздержанию или несчастьям, то есть войнам, эпидемиям, голоду. Оно и началось: война слов привела к очередному апофеозу смерти.

Для тех, кто хорошо знал историю, не стало неожиданностью, когда Наследники, за короткий срок превратившись в глобальную группировку, подпитываемую заинтересован-

ными лицами (у них, вероятно, тоже нашлись свои толстосумы), в один прекрасный день перешли к радикальным действиям, избрав практику тотального террора. Не было и не могло быть строгой линии фронта, и тайная, но с видимыми результатами война началась повсюду. По всем каналам информационных агентств сообщали, как Наследники и их приверженцы, дойдя в своем безумии до отрицания того, за что, собственно боролись, устраивали взрывы на химических фабриках, приводившие к ядовитым выбросам в атмосферу, уничтожали опытные генетические комбинаты. Не гнушаясь, использовали в качестве оружия радиационный терроризм, и никто не знал, в каком конце света сегодня или завтра рванет очередная «грязная» бомба, а то и настоящая атомная. Года три назад, как считалось, из-за чьей-то преступной халатности, из биологических лабораторий вырвались штаммы сразу нескольких серьезных болезней, поражавших животных – птиц и скот. Теперь всему миру стало ясно: и здесь наследили Наследники, как ни смешно это звучало.

Девизом Наследников стал другой лозунг: чем хуже – тем лучше! А ведь сторонников и сочувствующих им было несть числа. Дело дошло до того, что у Наследников появились боевые группы, вооруженные по последнему слову техники: небольшие мобильные отряды, мало уступающие в боеспособности силам полиции. В общем, власти проворонили появление отрядов воинствующих радикалов, а для уничтожения последствий их деятельности пришлось использовать войска.

Так и стало общество разодранным на две непримиримые между собой части, к одной из которых принадлежал Андрей Рокотов, состоявший на службе у правительства, а к другой, как оказалось, – его родной брат Сергей, чрезвычайный умница и очень способный ученый-генетик.

Андрей испытал шок, обнаружив Сергея в числе взятых под стражу раненых ученых, оказавшихся в плену, после того как военные провели рейд на, казалось бы, никому не нужную далекую занюханную ферму, где обитали апологеты Наследников.

Для Андрея стало откровением, что Сергей нашел себя идейно близким к радикалам. В этом виделся какой-то изврат: ему казалось, что ученые и Наследники, этикие современные луддиты, суть несовместимые племена. И насколько он был в курсе, старший Рокотов занимался как раз именно тем, против чего так выступали Наследники – биологическими экспериментами. Но факт оставался фактом. И после многих лет неведения друг о друге два брата встретились в лагере для перемещенных лиц, куда Андрей Рокотов был вызван из госпиталя с командой врачей, чтобы оказать помощь раненым. Хоть и радикалы они были, фанатики, а все ж таки тоже люди.

Сергею здорово досталось от солдат: при аресте он оказал рьяное сопротивление. Андрей хотел как-то поспособствовать судьбе брата, добиться для него лучших условий, он даже готов был ради этого признаться в родстве с государственным преступником. Позабытое чувство вины нахлынуло вновь. Заставило вспомнить о так и не состоявшемся примирении, которое было возможно сейчас.

Но оказалось, что Сергей назвал себя другой фамилией. Тогда Андрей предпочел умолчать о связи.

И встреча их прошла без церемоний, во время перевязки, и без особой радости. Говорили затравленным шепотом, да и то, после того, как Андрею удалось под каким-то предлогом выгнать из помещения медсестру. Андрей завел глупый и бесперспективный, как он это теперь понимал, разговор по типу: «Как ты дошел до жизни такой?», намекая на связи с государственными преступниками. Так же шепча, они заспорили о настоящем и будущем, выясняя, кто на чьей стороне, кто прав, кто виноват, стараясь не затрагивать единственную тему: об отце и матери.

И все же она неизбежно всплыла, когда у обеих сторон закончились аргументы. Сергей назвал брата слабаком и тряпкой, трусом, не умеющим переступить через свою гордость.

Андрей (и снова по-детски глупо) в ответ тихо и гневно крыл брата обвинениями в том, что тот, наверное, с радостью воспользовался его отставкой из числа вероятных наследников, получив от отца если не все, то очень многое: хороший стартовый капитал, собственную фирму, лаборатории, возможность кататься как сыр в масле и не думать о том, как прокормить растущую семью, которую сам же вскоре бросил. Так кто из них хуже – гордец или лицемер?

Но братья оставались братьями – запал ненависти быстро прошел. Родство оказалось сильнее идейных разногласий, и каждый понимал, что между собой им теперь делить нечего. Они снова заспорили, но теперь по существу. В таких спорах и рождается та самая истина, которая есть ценность самодостаточная, и даже если иногда оказывается, что она лежит посредине между двумя крайностями, то отнюдь не как дешевая проститутка, готовая удовлетворить интересы обеих сторон. Оба признавали, что ни политика правительства, ни тактика Наследников не имеют ничего общего с теми идеями, что могли бы спасти мир. Оба соглашались с тем, что человечество завели в тупик старые как мир корысть и стремление к наживе любой ценой, и равно – желание загрэбать жар чужими руками.

«Вот увидишь, грядет катастрофа!» – срываясь с шепота на хрип, заявлял Сергей и утверждал, что у него единственного есть решение. Правда, он не уточнял, в чем же его суть. А перед расставанием неожиданно всучил Андрею нарисованную от руки карту (кровью на куске ткани) и, заклиная памятью о матери, взял с брата обещание, что тот найдет его записи.

«Добудь их и сохрани, чтобы ни случилось! Вряд ли сумеешь расшифровать, но попробуй найти людей, кто сможет это сделать. И сообщи об это всем, если не будет поздно!» – так он сказал, а через секунду после этого в перевязочную ворвались солдаты, обеспокоенные затянувшейся процедурой, чтобы забрать раненого.

На следующее утро Сергей исчез из лагеря – перевели в казематы Следственного комитета. Как выяснил Андрей, у властей к Сергею был особенный интерес, в нем подозревали одного из организаторов местной сети фанатиков. А у Андрея состоялся короткий разговор с лагерным комендантом. Тот был свой человек и намекнул, что, дескать, кое-какие лица уже наводили о Рокотове справки.

И вот Андрей бежал, прошел сотни километров, прячась от людей, чтобы прийти сюда, на ферму, расположенную в узкой полосе еще не изуродованной человеком степи, и выполнить данное брату обещание. По крайней мере, первую его часть – раздобыть записи Сергея.

Как Андрей теперь понимал, из стен лаборатории данные через модем передавались в крохотный бункер, где заготовлен был специальный компьютер. Записи шифровались, и разобратся в них он бы не смог. Открытый доступ имели только папки с электронными копиями журналов учета лабораторных животных и растений и ведомости проводимых экспериментов. Где-то среди прочих стояла отметка о том, что щенкам суки Тиры внутриутробно была введена порция какого-то вещества с ничего не говорящим Рокотову кодовым названием «Нимбус». И все.

«Разумеется, Грозный – один из этих щенков, единственный оставшийся», – думал Андрей.

Об этом свидетельствовали поведение щенка и его способности к обучению, каких Андрей не замечал ранее ни в одной собаке. «Наверное, результат того самого эксперимента», – гадал он, не зная, бояться этого открытия, или, наоборот, радоваться ему. Сергей ни словом не обмолвился о подробностях, вероятно, считал, что все животные погибли в пожаре. Но, как оказалось, не все.

Теперь Андрей был в ответе за Грозного. Всего себя он отдавал занятиям со щенком, благо, свободного времени было предостаточно. А Грозный демонстрировал выдающиеся способности, был просто вундеркиндом, настолько быстро он постигал науки.

Строгих планов на будущее у Андрея не было. Он нашел то, что искал – записи брата и непосредственный объект эксперимента, о существовании которого, вероятно, вообще никто

не догадывается. Но что с этим делать, пока не решил. И куда податься, не знал. Дома нет, семьи нет. Из армии фактически дезертировал. Теперь еще два существа оказались на его попечении. Они, конечно, могли бы и без него протянуть как-нибудь, но именно что – протянуть. И как бы не лапы! Зато теперь, после его прихода, Тира выглядела весьма симпатичной, хоть и стареющей дамой. А Грозный и вовсе был похож на толстую булку с четырех лапах с вертявым хвостом-крючком.

У Андрея еще оставалось изрядное количество патронов, он научился делать силки и петли. Дружба со щенком оказалась чем-то вроде поощрительного приза. Схватывая все на лету, вскоре он обещал стать незаменимым помощником в охоте. Пара прихваченных с собой солнечных батарей и запас аккумуляторов давали возможность проводить время за собственным планшетником, развлекая себя чтением небольшой коллекции книг и просмотром фильмов. Да по найденному в бункере ноутбуку, который оказался со встроенным тюнером, Андрей ловил местные станции, пусть и с помехами, но послушать новости было можно.

Так что он надеялся прожить здесь еще некоторое время. Пускай Наследники и власти разбираются меж собой, покамест он не намерен примыкать ни к одной из сторон. Когда кто-то возьмет верх, по ситуации и нужно будет решать, как жить дальше.

4

Принимая телесигнал, ноутбук показывал рябющую помехами картинку, отчетливо транслируя только звук. Шла сводка новостей:

– ...Правительственные войска продолжают операцию по выявлению очагов сопротивления. Очередная база Наследников была подвергнута массированному обстрелу с воздуха... Стало известно, что фанатики разрабатывали оружие массового уничтожения, что может представлять угрозу не только правительственным войскам, но и мирному населению. Совет Безопасности подозревает в этом результат предательства, впрочем, в интересах следствия, конкретные лица пока не называются... Теперь к другим сообщениям... Небывалый урожай протазисного картофеля вырастили хозяйства национальной фермерской корпорации, а ведь еще только середина августа! Огромные клубнеплоды весом в полкилограмма – это норма для нового сорта. Это ли не еще одно свидетельство дальновидной политики наших аграриев! В ближайшие выходные во всех национальных хозяйствах состоится праздник, на который приглашаются все желающие. Гарантируется бесплатная раздача семян. Пользуясь случаем, как обычно, предупреждаем: с целью недопущения провокаторов из числа приверженцев Наследников, в зоны массовых гуляний и мероприятий допускаются только лица, предварительно подавшие заявки на участие. Кроме того, не допускаются лица без удостоверений личности! К нарушителям будут приняты самые строжайшие меры... Тысяча добровольцев приняла участие в акции по розыску и отлову диких птиц в таежных лесах и поймах рек. Ученые уверены, что это поможет им приблизиться к разгадке массового исчезновения пернатых в большинстве районов их привычного обитания, которая раньше объяснялась так называемым птичьим гриппом, но сегодня всем уже понятно, чья в том вина... А теперь о погоде. В южной части...

Андрей сделал потише и посмотрел на Грозного.

– Ну, брат, ты хоть что-нибудь понимаешь?

Щенок пытливо смотрел на него.

К «плавающему» кривому изображению и голосам из коробочки он уже привык и даже различал многие слова, часто употребляемые человеком. Когда звучало слово «фанатики», Андрей часто морщился или фыркал, но точно так же он реагировал и на любые слова, образованные от «правительства». Такое же раздражение Грозный иногда замечал в человеке, если у него что-то не получалось, или Андрей был недоволен. Из чего щенок заключил, что «правительственные фанатики» в любом виде – слова дурные и негодные.

В только что озвученных сообщениях он уловил и другие знакомые слова: «грозит», «река», «погоде». Он уже слышал их неделю назад, когда посреди ночи вдруг загрохотало в небе, да так, что они с матерью подпрыгнули и завывли оба, напуганные шумом.

Андрей Рокотов тогда выскочил из своего домика и заорал собакам как сумасшедший: «Бежим! Бежим!»

А потом все засверкало вокруг, и грохотнуло где-то близко еще сильнее, чем в первый раз. Потом еще! И снова! Небо озарялось яркими всполохами, после которых все вокруг трещало, шипело, рвалось. Разразился дождь и ветер захлестал мокрыми струями. Молнии били в реку и приближались к дереву. Андрей спешил убраться подальше и отвести собак. Залег с ними в траве, наблюдая за расщепившимися пальцами тополиных ветвей – в какую из них угадает молния. Как он и предполагал, вскоре мощный разряд, сверкая и кривясь, вонзил свою тысячеамперную силу в дерево. Раз! Потом еще – р-раз! От кончика листовой шапки, по стволу, ушел в землю. Грохот стоял невообразимый, у Андрея все звенело в ушах.

– Погода-то. Погода, а?! Видали, какая гроза! Об этом-то я даже и не подумал! – кричал он собакам, а потом захохотал. – Гроза грозится!

Не понимая, чему так радуется человек, Грозный, ответно сверкая при каждой вспышке своими красными глазами, сутился возле Рокотова и, в отличие от быстро успокоившейся Тиры, возбужденно лаял. Воздух вокруг был наэлектризован, и шерсть Грозного стояла дыбом. Удары грома больно отзывались в ушах. Кому такое понравится? И все же щенок понял связь между своим именем и тем погодным явлением, которого испугался даже человек, хотя и сумевший совладать с собой. И ему тоже, значит, надлежало бороться со своим страхом. Гроза – серьезная штука, понял щенок. Но ведь и он тоже – Грозный.

Когда дождь немного поутих, Андрей все еще не решался вернуться в жилище. Они отсиживались еще примерно с полчаса, пока вспыхивающие зарницы полностью не исчезли за горизонтом.

Позже Рокотов осмотрел шрамы на коре тополя, и к удивлению обнаружил, что их вовсе не два, а существенно больше – дереву досталось за прожитые годы.

– Хорошо не погибли! – сказал он. – Убило бы – факт!

Про «убил» Грозный тоже знал. Это слово нередко произносилось после выстрела, если человек охотился на мигрирующих по степи сайгаков или обитающих здесь повсюду сурков. Если человек говорил: «Добыча», «Жертва», и при этом добавлял: «Сейчас наедемся», значит, он был доволен охотой.

Андрей подмечал за щенком охоту запоминать слова и старался привить понимание выражений, связанных с жалостью или иным проявлением сочувствия, и когда Грозный воспринимал его настроение и готов был сопереживать, он гладил щенка и всячески нахваливал его, не зная, однако, насколько действенен его метод. Он замечал, что часто говорит о себе в третьем лице. Например: «Андрей сердится» или «Андрей радуется», – ему казалось, что так проще донести до Грозного суть происходящего с ним, хотя подозревал, что щенок и без того отлично все понимает.

И вообще – Андрей Рокотов никогда не был болтуном, но в эти недели он говорил практически без умолку. И не просто говорил – разговаривал с собаками. В основном, конечно, с Грозным, замечая в нем страсть к обучению.

Рокотов знал, что живущие среди людей в качестве члена семьи собаки тоже понимают массу слов, порой сотни, но запоминают их только после неоднократного повторения в схожих ситуациях на протяжении всей жизни. Он не раз слышал, как хвастались знакомые своими толковыми собаками, но даже они, как Андрей теперь понимал, негодились в подметки смышленому щенку.

У Грозного же был особый дар: он настолько усваивал речь, что иногда удавалось уговорить его что-то сделать, до того ни разу не объясняя и не обучая специально. Из запомненных слов пес умел понять, что от него требуется, внимательно выслушивал задание и бросался исполнять. Он мог проделывать разные штуки и трюки, если Андрею попросту не хватало рук или было сложно что-то сделать одному. Так, Андрей мог назвать практически любой предмет из тех, что имелись в его хозяйстве, и щенок приносил его. Кроме того, Грозный умел вести счет: к примеру, сколько щепок нужно принести из кучи. Ошибался очень редко и только в самом начале учебы, все ловчее постигая то, чему его наставлял человек.

– Кто же ты такой, братец? – спрашивал Андрей, смотря в глаза щенку, которому отроду было всего-то ничего.

Грозный развивался с огромной скоростью. И все быстрее учился не на примерах, а благодаря чистой сообразительности. В нем росла потребность быть полезным человеку, и он находил для этого верный способ – постоянно придумывать что-то новое, а то и вовсе – угадывать желания Андрея. Он находил и приносил сурков, подстреленных Андреем. Выискивал сухие ветви степных кустарников, которые могли пойти на дрова, и без усталости таскал их к домику.

По находчивости, сообразительности Грозный давно обставил мать. Он иногда сам демонстрировал ей какое-нибудь действие и начинал сердиться, если Тира не понимала, что от нее требуется. В эти моменты в щенке с досады просыпалось необычное ощущение. Его разум будто впадал в какое-то неизвестное состояние, чувства и желания воспринимались совсем иным образом. Кружилась голова, Грозный ложился на землю, и так, бывало, проводил минуту-две, пока его сознание не приходило в порядок. Тира могла нападать на него, подлаивать, а человек подавать команды – но Грозный будто ничего не слышал. Глаза у него становились как темные рубины, казалось, даже на свету горят огнем.

Эти перемены в состоянии щенка Андрей Рокотов стал замечать все чаще. И опять-таки он мог лишь гадать, что они означают. Единственное – он установил причину: это происходило, когда щенок проявлял недовольство, скорее даже неудовлетворенность каким-то положением вещей, которое он не мог изменить. Рокотов переживал, что в такие минуты, когда его маленький друг впадает в прострацию, это может плохо кончиться для щенка. Он запрещал Тире подначивать сынка на игры, и сам старался не трогать его, не звать, не тревожить, а терпеливо дожидаться, когда странное состояние пройдет само собой.

Он надеялся когда-нибудь понять, что все это означает. Но не подозревал, что это произойдет так быстро.

5

В тот день Андрей Рокотов проснулся в болезненном состоянии. Еще вчера у него пропал аппетит и появилась слабость в суставах. А ночью подступила лихорадка, и он долго не решался встать с кровати, а когда опустил ноги на выстланный травой холодный пол и дотянулся рукой до остывшей за ночь печи, подумал, что, пожалуй, поступает неосмотрительно, намереваясь встретить здесь зиму, – без лекарств, без помощи людей. Дрова вроде есть, но что его ждет, если посреди зимы внезапно сломается зажигалка, кончится газ в баллончике, или что-то случится с запасом спичек, а огонь в печи потухнет – вот как сейчас? Еще неизвестно, что у него за лихорадка – ладно, если простуда, но может быть и что-нибудь посерьезнее. А ведь про эту ферму давно, небось, забыли, и никто не сунется сюда по доброй воле.

«Сам себя загнал в капкан!»

В дверцу чердака кто-то поскребся. Недавно Андрей законопатил смешанной с травой глиной все щели, утепляя постройку, и не было видно, кто именно из собак. Но он подозревал, что это Грозный. Молодой пес интуитивно почувствовал, что ему плохо, еще вчера и, забываясь о человеке, принес ему ящерицу – наверное, пришлось поискать. А он вчера, видимо, предчувствуя, что заболит, не удержался и раздраженно пробурчал: мол, ешь сам.

Андрею пришлось встать, чтобы впустить Грозного. Заодно позвал Тиру. Сука лежала на блестящей от инея траве, свернувшись калачиком. Рядом с нею, где только что находился Грозный, виднелось подтаявшее круглое пятно. Андрей еще раз кликнул собаку, но та не проявила особого интереса, предпочтя не слезать с нагретого места, лишь слегка забила хвостом.

– Ну, как хочешь.

Андрей вернулся в домик. Грозный уже сидел возле кровати. Он потрогал лапой ту самую ящерицу, которую принес вчера Андрею, и вопросительно взглянул на человека.

– Нет, ты же знаешь, я такое не ем! Что, брат? Видишь, я раскис? Плохо мне.

Грозный подвигал ушами, оценивая его слова, внимательно наклонил голову. Андрей давно уже не воспринимал эти повадки как нечто особенное. Все ведь понимает прекрасно!

Наблюдая за медлительными движениями человека, Грозный заскулил и, уткнувшись в ноги Андрея, подставил голову под руку. Рокотов потрепал его курчавую шею, но болезнь взяла свое, и он лег на кровать, укрывшись одеялом, собственноручно изготовленным из куска найденного на ферме обгоревшего брезента, набитого внутри травой и прошитого проволокой. Надо бы все же затопить печь, но пока прошелся от кровати до входа и обратно, слабость вконец одолела.

Грозный заскулил, а потом гавкнул – звонко, и даже, как показалось, Андрею, требовательно.

– Да, ты прав! Раскисать негоже. Сейчас, сейчас... Сейчас...

Андрей начал погружаться в сон, когда Грозный схватил его за рукав и потянул.

Рокотов сразу очнулся и резко сел. В глазах замельтешили пятна. Когда нахлынувший шум в голове немного успокоился, он решил, что лучше встать и заняться печью. Слабость нужно преодолевать.

Он спустил ноги с кровати и сполз на четвереньки. Грозный тут как тут, принялся облизывать лицо.

– Считаешь, так лучше?

Подполз к печи, ощупал разложенные рядом дрова, выбрал те, что посуше, и забил печурку до отказа, добавил снизу заготовленных щепок, зажег – и уже через минуту внутри загудело, затрещало. Можно было возвращаться в постель.

– Спасибо тебе, – он потрепал Грозного за холку. – Молодец!

Грозный по обыкновению лизнул его в лицо. Все это время он не переставал заглядывать в глаза Андрея, который изо всех сил пытался не уснуть. По обыкновению, у молодого пса возникло желание сделать для человека нечто полезное. Досадное упущение – ящерица не пришлось по нраву – необходимо было исправить, добыть что-нибудь более существенное.

Он еще недолго посетился в домике, как бы желая убедиться, что с Андреем все будет в порядке: схватил зубами сапоги и поставил их ближе к кровати, обнюхал начавшую давать жар печку, будто проверяя, не слишком ли трещит. Обнюхал стол, на котором ничего не осталось из еды. Под крышей сушилось мясо, но Грозный не понимал, почему человек его не ест, видимо, не нравилось. Поэтому, на всякий случай, Грозный не стал трогать лежавшую на полу ящерицу: вдруг человек передумает.

Удостоверившись, что в его отсутствие ничего не должно произойти, пес выскользнул на улицу, благо дверь распахивалась наружу и не пришлось беспокоить человека.

Теперь следовало отыскать подходящую добычу.

С некоторых пор Грозный обретал все большую уверенность и позволял себе уходить в степь на значительные расстояния. Тира вначале возражала, но все чаще ей приходилось уступать сыну. К тому же Грозный выходил из щенячьего возраста, и у него открылось совершенно нормальное для каждой собаки желание отправиться куда-нибудь на поиски приключений. Андрей поначалу тоже переживал за него, но постепенно стал понимать, и они словно договаривались меж собой: один остается, другой уходит на время, чтобы вернуться. Искать и звать не нужно.

И сейчас Грозный мог бы пойти один, однако плохое самочувствие человека сказалось на его решимости. Подойдя к матери, он обнюхал ее мордочку, лизнул в нос и, потерев лапой шею, отпрыгнул в сторону, приглашая пойти с собой. Вертя хвостом, предпринял еще одну попытку, но Тира рывкнула на него, давая понять, что совершенно не желает впутываться ни в какие затеи. Она предпочитала остаться у жилища человека, которого, несмотря на все странности, присущие двуногим существам, считала вожак. И без того неважная охотница, она теперь и вовсе ленилась, поскольку с человеческого стола постоянно что-нибудь да перепало. Грозный же и понятия не имел, что такое вожак или хозяин. Человек никогда не понуждал его ни к чему силой, действовал уговорами, старался уловить такой момент или создать условия, когда все получается как бы само собой, и тогда подбадривал словами и угощением – такое отношение к себе встречает, вероятно, редкая собака. Но он как раз был такой собакой, даже редчайшей в своем роде. Он не пресмыкался, не лакействовал перед человеком – таких понятий Грозный не знал. Андрей был для него другом, братом и отцом одновременно – существом, которое он любил всей душой, и так должно было быть всегда.

6

Оставив далеко позади тополь и жилище человека, Грозный бежал мелкой рысью по заросшей травой колее, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Утро выдалось холодным, и степь словно вымерла. Несмотря на выглянувшее солнце, даже кузнечики не стрекотали, как обычно, и вяло шевелились в траве, дожидаясь, когда по-настоящему потеплеет. Но кузнечики Грозного сегодня не интересовали совершенно. Человеку нужно что-то покрупнее. Жирный сурок – самый лучший вариант. Правда, ему еще ни разу не удавалось поймать этого зверька. И сегодня он намерен был исправить это досадное упущение.

Грозный бежал долго, приюхиваясь к ветру, пока не убедился, что скоро покажется лысый пригорок, где обитало большое семейство сурков. Раньше они частенько бывали здесь с матерью, но сурки оказались умной и хорошо сплоченной командой и всегда оставляли с носом Тиру и ее неразумного отпрыска. С той поры, как в жизни собак появился человек, эти большие грызуны перестали их интересоваться, однако когда Андрей сам отыскал курган, заселенный упитанными зверьками, интерес появился снова. По крайней мере Грозный нередко захаживал сюда. Но как он ни старался, дальше того, чтобы запомнить повадки зверьков, дело не шло.

Он всегда долго, порой часами наблюдал за ними. Это было весьма интересное времяпрепровождение. Зверьки действовали словно по расписанию: вылезали из своих нор примерно в одно и то же время и чуть ли не в строгой очередности. Первым показывал из норы свой нос, вероятно, самый старый, опытный, самый хитрый и умный сурок, который должен был оценить обстановку. Он высовывал морду и осматривался, после чего мог почти сразу же скрыться обратно в норе, чтобы через какое-то время появиться снова. Убедившись, что все в порядке, он вылезал наверх и садился столбиком перед дырой, поглядывая вокруг. После его бодрого и звонкого посвиста из своих нор начинали показываться другие сурки. Природа наградила их невероятно острым зрением, так что любую опасность они замечали издали. Но стремление запастись как можно больше жира на зиму, пока еще стояли солнечные дни, заставляло их удаляться от нор. Опытному хищнику вполне удалось бы схватить потерявшего бдительность зверька: тут важно дождаться нужного момента и оставаться крайне терпеливым, не торопиться. Но Грозный был совсем молод, и терпения ему как раз не доставало. Он пытался уже проделать такое, но сурок исчезал прежде, чем Грозный мог настигнуть его. Теперь волею неволей придется проявить выдержку, если хочешь доставить человеку радость.

Бесшумно продвигаясь в траве, он дополз до места, где земля становилась лысой, и залег за песчаным бугорком, намереваясь ждать ровно столько, сколько понадобится.

Наконец настало время охоты. Когда после старожил из норок вылезли молодые, менее осторожные сурки, Грозный унял дрожь нетерпения и водил глазами, всматриваясь в движущиеся цели. Зверьки время от времени озирались, прислушивались, но молодой пес лежал тихо и ветер был его союзником.

Постоянно что-то жующие, ненасытные грызуны давно подъели всю траву возле нор, и теперь им невольно приходилось выбирать места подальше – так зверьки постепенно разбрелись по округе. Грозному повезло: в его сторону направилась сразу парочка. Еще немного терпения, и одному из них не избежать его зубов. Он уже выбирал, кому именно. Напружинив лапы, приготовился к решительному броску, готов был рвануть с места... как неожиданно раздался свист опасности!

Захваченные врасплох, оба сурка кинулись назад к пригорку. Грозный выскочил из укрытия, но было поздно. Рыхлый песок под лапами не дал ему как следует разогнаться, и ближний сурок успел миновать точку перехвата. Пришлось переключиться на второго, но этот оказался чересчур смелым, к тому же был крупнее и старше первого и, возможно, уже сталкивался с подобной напастью, когда щенок еще только учился охоте. Он развернулся к Грозному, нежиз-

данно встал на дыбы и, оголив желтые острые длинные зубы, гневно заверещал. Щенок замер как вкопанный. И все же сурку пришел бы конец – молодой охотник намерен был довершить начатое, как бы ни пытался толстяк спасти свою шкуру. Грозного не остановили бы никакие зубы и даже самый яростный отпор.

Но внезапно что-то крупное мелькнуло сбоку, и щенок на секунду отвлекся, дабы самому избежать опасности.

Это оказалась Тира. После того как Грозный ушел, она вскоре передумала и побежала по следу. И выскочила на поляну в ту минуту, когда отдельные сурки, насытившись, уже начали возвращаться на пригорок, рассчитывая погреться в лучах поднимавшегося солнца. С высоты ее и заметили. И тотчас по округе разнесся тот предохранительный свист, который услышал Грозный, таившийся в засаде.

Щенок отвлекся на мать, и его добыча рванула прочь. На его глазах жирные и такие аппетитные сурки один за другим исчезали в норах. Когда он подбежал к пригорку, остался один лишь дразнящий запах.

И тут он позволил себе сорваться. Зарычал, залаял на мать. А та, в порыве внезапной родительской строгости, решила проучить его. Они сцепились. Немного потрепав друг друга, замерли оба, словно оценивая, стоит ли продолжать. Грозный был настолько раздосадован неудачей, что ни о какой покорности не могло быть и речи. Он вдруг издал хриплый рык, тот самый, продиравший до костей. Рубиновые глаза засверкали от гнева, из-под дрожащей губы обнажились два ряда новеньких, недавно сменившихся и достаточно острых зубов, давших понять Тире, что она совершила большую ошибку, спутав его планы. Ей нужно было это уяснить и сдаться. Испугавшись собственного сына, Тира отступила, развернулась и обиженной походкой направилась обратно к дороге.

С охотой на сурков было покончено. После того как Грозный оправился от припадка злости, он на всякий случай обежал пригорок, принохиваясь к норам, улавливая сильный запах таких недоступных зверьков. Они теперь могли и вовсе целый день не показаться снаружи. Так что оставаться и ждать не имело смысла.

Он слышал шевеление в норе. С досады зарыл лапами. Так близко добыча – и не достать. В его памяти промелькнула сцена неудачной охоты. И снова, на волне недовольства им овладело то странное состояние, в какое он входил иногда. Но в этот раз Грозный не впал в прострацию, быть может, оттого, что слишком ясная цель маячила перед глазами – найти достойную добычу во что бы то ни стало.

Ему представился сурок, только что ускользнувший из его лап: как будто тот вздыбился перед ним в той же агрессивной позе и зло стрекочет. Но теперь, на волне этого непонятного ощущения Грозному казалось, что он заставил несуществующего на самом деле сурка остоленеть от страха, задавил силой своего взгляда. Да вот он – стоит перед глазами и уже не верещит, а покорно ждет...

Наваждение прошло. Грозный даже присел от неожиданности – таким настоящим показался ему возникший в сознании грызун.

Закружилась голова. Некоторое время Грозный пошатывался, пока способность полноценно управлять телом не вернулась к нему. Одновременно в нем проснулось желание исследовать степь, наудачу пробежаться старыми тропами. Жадно вбирая ноздрями воздух, улавливая ветер, он ощущал запахи разных животных, в основном грызунов помельче. Наткнулся на прячущихся в траве и едва подвижных ящериц. Но эта мелкота была ему не интересна. Сам-то он не так уж и голоден. А вот человек...

Долго он мотался по степи, несколько раз выходил на заячьи тропы, но, чтобы поймать быстроногих зверьков, недоставало ни опыта, ни выносливости легких, ни скорости. Наткнулся на семейку корсаков, на которых и раньше обращал внимание: своей похожестью они казались ему родственниками, но отчего-то сами так не считали, и всегда быстро уносились прочь, едва

завидев собак. Так же и сейчас. Иной раз веяло запахом барсуков. Эти хищники, ведущие ночной образ жизни, отсыпались в своих норах, только один шальной повстречался Грозному на пути, но оказался слишком злым и крупным, чтобы попытаться взять его. Пришлось самому уносить ноги.

Совершенно отчаявшись, Грозный повернул назад к дому, и какое-то время у него ушло на поиски обратного пути: он так запутался в собственных следах, что не сразу отыскал дорогу, а когда вышел на нее, лег передохнуть. Что-то происходило в нем, но о сути этого явления Грозный не имел ни малейшего понятия. Из-за помутнения, пережитого после неудачной охоты и грызни с матерью, его чувства и восприятие попали в сети той необъяснимой силы, что медленно пробуждалась в нем. Последующая беготня за зайцами, очередная попытка сдружиться с корсаками, и нахальная, но неудачная в своей глупости атака на взрослого барсука еще глубже всколыхнули этот процесс.

Благодаря этим неосознаваемым изменениям в своем организме, Грозный теперь совершенно иначе воспринимал окружающее пространство. Он внезапно ощутил присутствие другого существа – не слишком крупного, но и не совсем мелкого. Навострив уши, стал сам внимание. Прошло немного времени, и он увидел, как на дорогу выбежал суслик. Застыл столбиком, внохиваясь в окружающее пространство. О присутствии Грозного зверек лишь догадывался по чужеродному запаху, однако самого пса не замечал.

Грозный не шевелился, чтобы не спугнуть добычу. Страстное желание поймать обрело новую силу. У него закружилась голова, правда, не так сильно, чтобы отказаться от своих намерений. Пульсирующее волнение забило внутри. Грозный слегка мотнул головой и увидел, что суслик не заметил его движения или не понял его. Позабыв о слабости и головокружении, Грозный приподнялся на лапах.

Казалось, только сейчас зверек увидел собаку и наметился бежать. Едва Грозный понял это, его желание изловить жертву вдруг обрело такую силу, что пульсации в голове забились еще чаще. И тотчас сусликом овладела медлительность: его движения стали вялыми, будто сам воздух превратился в какую-то вязкую прозрачную субстанцию.

В несколько прыжков Грозный настиг зверька. К тому моменту потерявший волю суслик успел только развернуться навстречу опасности и тут же застыл, вытянувшись в струнку. Он даже не пытался дать отпор, как недавно сурок. Вне себя от страха, уставил на пса бусинки своих глаз.

Грозный тоже неотрывно смотрел на зверька, и вдруг в ритме тех волн, что пульсировали в его голове, в сознание ворвались образы и чувства, что запечатлены были в памяти суслика: лучезарный свет солнца, запах травы, писк бдительных собратьев, лакомый вкус зернышек, дыхание преследующего тебя зверя, спасительная чернота узких лазов и многое-многое другое.

Известные образы и чувства составляли только малую часть, ничего из остального, что привиделось Грозному в это короткое мгновение, он никогда не знал и не испытывал. Он даже не понимал, какая именно сила управляет этими волнообразными, пульсирующими толчками, и как он сумел проникнуть в память другого существа, жизнь которого висела на волоске.

Эта сила буквально высасывала из него энергию. Грозный мог бы придушить зверька, но для этого тот должен был бы кинуться бежать, чтобы снова пробудить в собаке инстинкт преследования. Однако суслик находился в тисках воли Грозного, а пес, в свою очередь, не мог и не умел управлять происходящими в нем процессами, чтобы до какой-то степени ослабить эти самые тиски.

Его замутило. Лапы подломились сами собой. Грозный опустил на землю и закрыл глаза, чтобы остановить головокружение и тошноту. Пульсации в голове постепенно ослабли. Когда же он вновь открыл глаза, суслика простыл и след.

Молодой пес был весьма обескуражен случившимся, ничего подобного он еще не испытывал. И в то же время недоволен: охота была странной, отняла уйму сил и вдобавок не ока-

залась успешной. Он не понимал своего нового состояния и не мог извлечь из него пользу. Первое необычное событие лишь оставляет след в памяти, но понять закономерность можно, только неоднократно повторив свой опыт. А этого пока не произошло.

Отлежавшись и восстановив силы, Грозный побрел к дому. Он так и не нашел добычи, которую согласился бы принять в качестве подарка человек, и слишком устал, чтобы продолжать охоту.

Уже приближаясь к цели, завидев впереди над травой макушку тополя, означавшую, что дом близко, Грозный вдруг снова испытал слабый толчок в голове и почти одновременно с этим ощутил чужое присутствие. Он порыскал взглядом, но в траве ничего не замечал. И только задравши голову вверх, увидел белую, медленно плывущую в воздухе бабочку. Она отличалась формой от привычных легкокрылых созданий, за которыми он радостно гонялся совсем недавно. Как еда бабочки Грозного особо не интересовали, но эта была слишком велика и необыкновенна, чтобы пренебречь ею.

Он и понятия не имел о существовании птиц. Пернатые исчезли в этих местах задолго до появления щенка на свет. И других крылатых созданий, кроме расплодившихся в невиданном количестве мух и бабочек, Грозный никогда не видел. Поэтому совершенно естественно, что и сейчас он воспринял парящего в небе журавля за какую-нибудь капустницу.

Однако крылатое существо, описав круг, спустилось ниже, и Грозный пришел к выводу, что эта бабочка и впрямь не так уж мала и что она может оказаться именно той самой добычей, которой хватит на всех троих – для человека и для них с матерью.

Откуда только силы взялись? Сквозь густую траву Грозный помчался к реке, не желая упустить шанс застать очередную жертву врасплох и схватить, прежде чем она попытается улизнуть.

7

Все утро Андрей жадно пил воду, и даже когда расхотелось, заставлял себя, чтобы насытить кровь жидкостью, хоть из-за этого и придется выходить на улицу. Через пару часов температура упала, да и лихорадить перестало с того момента, как воздух в постройке хорошо нагрелся от печи. Не желая больше глотать просто воду, он заварил чай, который экономил раньше с неслыханной скупостью – один раз в день крохотная щепотка на стакан. Но сегодня не стал отказывать себе в удовольствии и сделал настоящую заварку.

Попив чаю, он посмотрел новости, затем почитал, пока не наскучило. Успел уснуть и провалялся еще два часа. Проснулся от настойчивых сигналов переполненного пузыря: вода сделала свое дело, промыла организм и торопилась наружу.

Накинув куртку, Андрей поднялся на ноги и добрел к двери. Выглянув на улицу, увидел Тиру.

– Привет, лохматенция! А где Грозный?

В ответ на вопрос Тира забила хвостом и бросила взгляд в степь.

– Понятно.

Его здорово пошатывало. Раскинув руки, с чердака домика Андрей перешел по короткому трапу на верхушку оврага. Быстро сделал дела. Перед тем как вернуться в дом, он еще раз окинул взглядом обозримое пространство. Позвал Грозного. Тишина.

Прошло три часа, но пес так и не объявился. Обычно он не отсутствовал так долго. Андрей заволновался. Он все еще чувствовал слабость, но проводить время в тревожном ожидании не собирался и снова вышел на улицу.

Воздух успел нагреться, стрекотали кузнечики и мухи роились возле засохших костей, недогрызенных собаками. Зрелище не показалось приятным, но Андрей отчего-то подумал о еде и не в первый раз вспомнил о том, что у него слишком мало продуктов на зиму. В качестве запаса на черный день в одном из ящиков, составлявших кровать, хранились консервы, несколько банок своих, но большей частью найденных на ферме и каким-то чудом уцелевших в огне. Это был неприкосновенный запас. Для повседневных нужд он использовал только свежесдобытое мясо, остатки высушивал над печкой, без соли, поскольку ее было мало. Мясо сушилось быстро, даже мухи не успевали его попортить, правда, всего выходило немного. Вот наступят морозы, тогда можно серьезно заняться заготовкой. Но это если будет на что охотиться и если будет ловиться рыба. Так что все слишком рискованно. Он снова не знал, радоваться ли тому обстоятельству, что опытная ферма находится на отшибе. По сути, оказался сам у себя в заложниках.

Впрочем, и уходить не хотелось. Передавали слишком неоднозначные новости. Наследники, похоже, устойчиво сопротивлялись властям. Когда вокруг беспокойно, легче прожить вот так – в полной глуши и одному.

Да, что ни говори, стоит отсидеться. А сегодня лучше поголодать, отлежаться. Даже полезно иногда. О собаках можно не переживать – найдут себе что-нибудь.

Он вновь подумал о Грозном, и беспокойство вернулось. Где же пес?

Пронзительный крик сверху заставил Андрея задраить голову.

Там, в бирюзовом небе, высоко-высоко парила...

Он обомлел.

Птица!

Настоящая, живая птица!

Стерх – белый журавль, красавец, гордо раскинув крылья, летел над степью, выбирая место на песчаных отмелях реки.

– Не может быть! – произнес Рокотов и застыл с разинутым ртом, выпучив глаза от невиданного зрелища.

Откуда он взялся, из каких таких краев? Эти журавли и раньше были очень редки, а теперь, когда всех пернатых впору заносить в Красную Книгу, он вдруг явился – невиданный гость.

Как зачарованный, Андрей наблюдал за птицей, за каждым едва заметным мановением ее крыльев. Почему журавль выбрал именно это место, и есть ли поблизости его сородичи? В это время года перелетные птицы испокон веку собирались на юг, он мог отбиться от стаи. А может быть, никаких стай нет, и это единственный белый журавль на всей Земле и других больше не будет никогда?

От этой мысли у Андрея сжалось сердце.

Он видел, что журавль стремится к земле, и его скоро не станет видно за высокой травой. Но ведь это, возможно, последний раз, когда он видит живую птицу!

Позабыв о болезни, о Грозном, обо всем на свете, он помчался к обрыву, соскользнул с него, неудачно ударился коленями о камни на берегу, редкие, но как назло именно сейчас угодившие под ноги. Прихрамывая, он все же двигался очень быстро, почти бежал. Не забывал про осмотрительность и тщательно выбирал путь, чтобы песок гасил звуки шагов и чтобы не угодить сапогами в плюхающую воду.

Дойдя до места, где, как он подозревал, должен был опуститься журавль, Андрей перешел на четвереньки и дальше сквозь траву полз крадучись, тихонько раздвигая стебли, пока не дополз до границы зарослей.

Потрясающая картина открылась перед ним.

Длинноногий журавль стоял на берегу, грациозно наклонив к земле тонкую шею, и длинным красным клювом выщипывал корневища осоки. Когда он летел, видны были черные перья на концах крыльев, но теперь его тело казалось идеально белым, совершенно как снег.

Он был невероятно красив – быть может, оттого что не с чем и не с кем было сравнивать. «Впрочем, он и должен казаться, наверное, таким совершенным», – думал Андрей, глядя как величественно журавль прохаживается по мелководью, пуская кругами рябь и что-то доставая со дна.

Андрей мог бесконечно долго любоваться этим зрелищем, оно бы никогда не надоело. Ведь это была птица!

Заходясь от восторга, он вдруг заметил какое-то шевеление в кустах. Вскоре увидел: из зарослей высунул голову Грозный. Навострившись, прижавшись к земле, пес медленно полз к журавлю. А тот стоял в воде и не двигался.

Андрей все еще был под впечатлением и потому не сразу понял, что происходит неладное, и еще не воспринимал затею Грозного как нечто кощунственное. Он наблюдал за расчетливыми и спокойными (как будто пес знал, что добыча куда не денется) движениями Грозного и никак не мог взять в толк, почему журавль не замечает собаку, не видит опасность? Отчего замер?

Но и птица в этот момент выглядела ненастоящей. Выдуманной. Или мастерски изготовленным чучелом. Казалось, она даже не шевелится, будто неживая...

...Когда Грозный разглядел существо, он окончательно убедился, что оно ничуть не похоже на бабочку. От него исходил необычный запах, какого он никогда не слышал. Нежный, вызывающий трепет и желание испробовать на вкус. Разве что пасть у существа была странная, длинная и острая – как нож, которым человек резал мясо, а иногда любил им играть, втыкая в стену своего жилища.

Но желание завладеть добычей было сильнее предосторожности.

Постепенно Грозного настигло спокойствие. Одновременно добавилось то самое ощущение, казавшееся для молодого пса внове: внутри него опять рождались невидимые пульсации, способные лишить жертву воли, и видел он перед собой только одно – манящий белый кусок еды на длинных тощих ногах.

Он подобрался к существу почти вплотную, даже трава не мешала. Обострились все чувства и, как в прошлый раз перед напуганным сусликом, Грозный вдруг окунулся в чужое сознание. Это длилось лишь мгновение, но, благодаря своему дару, молодой пес неведомо каким образом снова прикоснулся к тому, что когда-либо в своей жизни видело и чувствовало другое существо. Образы, запечатленные в памяти журавля, ворвались в его голову стройным вихрем, отозвались чередой вспышек. Увиденных картин было настолько много, что едва контакт оборвался, Грозный одурело вжался в землю, напуганный тем, что успел узреть в этот миг. Стоящее перед ним существо знало так много всего, о чем он не имел никакого представления. Для этого существа распахнуты были двери недоступных Грозному стихий. И в особенности – воздуха. Самой высокой точкой, откуда Грозный когда-либо мог наблюдать, был обрывистый берег реки. Но это существо умело подниматься на немыслимую высоту, где душа Грозного замирала от страха, и оттуда, сверху, река казалась тонюсенькой нитью, а все остальные существа и вовсе становились невидимыми.

Оно было во всех смыслах необыкновенным, это создание. И все равно ему суждено было умереть. Потому что так хотел Грозный. В нем жил унаследованный от предков охотничий азарт, стремление поймать и умертвить добычу. Предложенная человеком пища лишь немного заглушила этот природный инстинкт, но не могла уничтожить его полностью. В дикой естественной среде не может быть зла и добра в тех категориях, какими рассуждает человек, но есть основанная на законе выживания беспощадность, присущая любому хищному существу, а значит, и Грозному, покуда он оставался собакой...

...Андрей встал во весь рост и крикнул, одновременно замахал руками. Но даже сейчас журавль не замечал ничего вокруг. А Грозный, казалось, не слышал человека, увлеченный единственной целью.

Не думая о том, что стал свидетелем какого-то невероятного события, Андрей закричал снова и спрыгнул в воду. Помчался к журавлю. Брызги летели во все стороны. Он увидел, что Грозный среагировал наконец на его появление, вроде бы потерял контроль и птица выходила из оцепенения...

...На самом деле Грозный слышал человека, но в новом своем состоянии еще не умел рассредоточивать внимание. Крики Андрея он воспринял как проявление радости, отчего сам взбудоражился. Волны в голове пульсировали все тише, и он видел, что птица, только что находящаяся в его власти, приходит в движение.

И это был тот самый штрих, которого не доставало в момент неудавшейся охоты на суслика: добыча ускользает – ее нужно поймать! Грозный прыгнул вперед. Слету он вцепился челюстями в тонкую нежную шею, ощутив хруст под зубами, и навалился на жертву всей массой. Птица судорожно забилась под ним, затрепетала крыльями, а он подмял ее под себя и топтался сверху, не размыкая зубов, и терзал, терзал, пока добыча не перестала шевелиться.

Вот наконец и человек оказался рядом.

Грозный отпустил журавлиную шею и радостно раскрыл пасть, заулыбался, высунув язык. Побежал навстречу.

Но, вместо того, чтобы похвалить, человек вдруг зло крикнул:

– Что ты наделал?!

Таким Грозный не видел Андрея никогда. Он присел и в испуге глядел на человека, желая понять, что не так.

Андрей замахнулся на Грозного, заставил отбежать, а сам упал перед птицей на колени в мокрый песок. Схватил журавля и притянул к себе. Голова погибшей птицы безжизненно болталась. Рокотов дотронулся до сломанной шеи. Погладил клюв, провел рукой по горлышку, из которого совсем недавно раздавалось такое щемящее душу курлыканье. Растрепанные перья утратили белоснежность, смерть осквернила их красоту. Но для Андрея и мертвый журавль оставался самым прекрасным созданием на Земле.

Рокотов снова погладил обездвиженное тело птицы. И чувствовал, что вот-вот заплачет.

Грозный ткнулся в его плечо. Андрей повернулся к нему и с ненавистью гаркнул:

– Дурак! Зачем?! Что ты наделал?!

Ему впервые хотелось ударить щенка.

– Это плохо! Плохо! Он был один. Понимаешь?! Других, может быть, нет!..

Грозный больше не делал попыток приблизиться. До сих пор он не навлекал на себя гнев человека. Понял – Андрей сердится. Но почему? Ведь он сумел добыть пропитание. Может быть, сердится оттого, что добыча не слишком велика? Или наоборот – велика? Или человек сам хотел схватить летающее существо, а он помешал, как недавно помешала ему мать?

Переминаясь с лапы на лапу, и разрываясь в этих вопросах, Грозный заскулил, желая обратить на себя внимание. Когда Андрей все же повернулся к нему, он склонил голову и снова приник, демонстрируя позу оскорбленного непонимания. «Что не так?!» – как бы говорил он своим видом.

Андрею внезапно стало стыдно – он мог ударить собаку. А за что? За то, что она поступила в соответствии со своими инстинктами и желанием? Грозный ведь не знает на самом деле – что хорошо, а что плохо. Слова он запоминает, но как объяснить такую сложную вещь?

Не выпуская из рук тела птицы, он придвинулся к собаке, словно демонстрируя Грозному результат его поступка.

– Что ты такое с ним сотворил, я не знаю... Но так нельзя! Всегда должен оставаться шанс! А ты набросился на него беззащитного. Если бы я знал, что могу убить единственное в своем роде создание, я бы ни за что не стал этого делать. А ты убил его, понимаешь?! Убил! Конечно, я тоже убиваю зверей, чтобы выжить... Как тебе объяснить, в чем разница... Я могу промахнуться, понимаешь? Я могу проходить весь день и никого не поймать... И я не возьму больше того, что мне нужно. А тебе? Зачем он понадобился тебе?.. Эх, если бы он имел возможность от тебя улететь...

Андрей говорил долго и много, замечая, что Грозный смотрит на него неотрывно. Да что толку – слишком много слов, которые невозможно объяснить собаке, какой бы умной она ни была. Даже человеку иногда невозможно.

Как быть, Рокотов не знал. Но, быть может, пес почувствует его настрой, поймет недовольство? Андрею хотелось верить, что неординарность ситуации плюс желание слушаться человека приведут молодую собаку к единственному выводу: то, что произошло – нехорошо само по себе!

Он наблюдал за тем, как Грозный, осторожно, под сопровождением его взгляда, приблизился к птице, потрогал ее лапой, как будто желал убедиться, что уже ничего не исправить.

Андрей поймал себя на том, что домысливает поведение Грозного, а в реальности совершенно не знает, что же происходит в сознании пса.

– Это птица! Птица! Она умела летать! – сказал Андрей голосом более мягким и, положив журавля, замахал руками. – Летать! Понимаешь? Никто не умеет летать! Я не могу! Ты не можешь! А он – летал! – и Андрей встал, продолжая махать руками, словно крыльями.

– А еще, он был один. Один-одинешенек.

И он показал Грозному отставленный указательный палец.

«Нет, глупо рассчитывать на то, что он поймет суть, а не отдельные слова», – подумал Рокотов и снова посмотрел на птицу. О том, чтобы употребить ее в пищу, не могло быть и

речи. Придется закопать. Но не здесь на берегу, а возле жилища, чтобы другие звери не могли разрыть могилу. Именно могилу – только так он понимал итог того обряда, который должен совершить, чтобы упокоить душу прекрасного и удивительного создания.

Он взял журавля в руки и направился к дому.

Грозный постоял недолго в одиночестве, затем побежал догонять человека.

На полпути им повстречалась Тира. Изголодавшаяся за день, она подбежала к Андрею, радостно вихляя задом, и с намерением схватить журавля за лапу или за болтающуюся голову, но подскочил Грозный, зарычал на нее. Андрей внимательно посмотрел на пса, но ничего не сказал, только отметил про себя, что недавние слова его, возможно, не ушли в пустоту.

Он выкопал рядом с тополем яму поглубже, а когда засыпал птицу, сверху водрузил большие куски песчаника, найденные под обрывом, горкой, чтобы не так просто было подрываться. Он замечал, что все это время Грозный терпеливо наблюдал за его действиями, сидя чуть поодаль, и бросая иногда взгляды на мать, которая одна не понимала, что происходит, но приближаться тоже не решалась.

Когда Рокотов покончил с могилкой, болезнь вновь навалилась на него, будто желая отомстить за презрение к себе. Лихорадка вспыхнула с новой силой.

Весь в жару, он замечал за собой странное состояние, когда окружающие его предметы неожиданно теряли свою ценность и значение, а сам он вообще не мог понять смысл своего нахождения здесь. Что-то неладное происходило с его памятью, как будто кто-то взял ластик и вдруг начал стирать из нее все, что Андрей видел перед собой. Только что он смотрел на печь, как она вдруг превратилась в совершенно непонятный предмет. То же самое случилось с подвешенными к стропилам обрезками мяса – через секунду они казались какими-то ничего не значащими штуковинами. Даже собственные руки и пальцы превратились в шевелящиеся нелепицы.

Всю ночь Рокотова преследовали ужасные сны, похожие на галлюцинации, но в противовес реальности, где суть предметов теряла смысл, эти сны казались вполне понятными и объяснимыми. Он представлял себя то человеком, то каким-нибудь животным. Например, трепещущим от страха сусликом, за которым гонится зверь: похожая на Грозного и огромная как дом собака. Он скрывался от нее в норах, но безуспешно: узкие ходы становились большими тоннелями, в которых негде было спрятаться, – зверь нагонял и там. Сердце готово было разорваться, с такой прытью он пытался убежать, но зверь не отставал. Спасаясь от него, Андрей вновь выскакивал на свет и снова прятался в норах, и снова прятался и выскакивал. И когда эта бесконечная игра в прятки закончилась, он неожиданно увидел себя в теле журавля, взмывающего в небеса. Почва уплыла из-под его ног, теперь он радостно несся навстречу холодному ветру, счастливый от спасения. Но зверь не желал отпускать его. Его пасть тянулась за ним от самой земли. Он все-таки схватил Андрея и начал рвать на части. С криком Рокотов сверзился с километровой высоты, распался на тысячу мелких существ, в ужасе разбежавшихся вокруг и попрятавшихся в своих черных норах. А зверь вдруг завыл голосом Грозного – истошно и тоскливо, будто вымаливал прощение. Зверь говорил о том, что на самом деле ценит каждую жизнь, несмотря на то что вынужден убивать. Зверь жаловался на то, что с этим ничего нельзя поделать, и так будет всегда, покуда его терзает погибельный голод. Зверь плакал, что ему тоже хочется жить, и клялся, божился, повторяя его же слова, что никогда не посмеет взять лишнего. И каждому из тысячи Андреев стало жаль зверя. Все они высунулись из нор, чтобы вновь собраться в единое целое, готовые отдать себя в жертву, невзирая на страх и ужас гибели. И Андрей Рокотов, снова превратившись в человеческое существо, неожиданно понял, что зверь – это он сам и есть. И он же – тысячи, миллионы собак, сусликов и журавлей, ящериц и кузнечиков, и других больших и малых существ, а с ними – несметные множества трав и деревьев, океаны неба и воды, солнце и земля. А все вместе – одна большая тайна, именуемая жизнью.

Но, прежде чем он сумел все это осмыслить, внезапно подступила чернота, густая и властная, как будто желающая стереть все то, что ему привиделось...

Он очнулся утром в поту, слабый невероятно, и долго вообще не мог понять, где находится. Он почти ничего не помнил из своих снов, но даже сейчас, в состоянии бодрствования, ему чудилось, что все вокруг нереально, как будто нарисованное, и что сознание в любой момент может снова отвернуться от него.

В подтверждение этому плавали перед глазами связки вяленого мяса и дрожали стены домика, но некоторое время он не мог признать их за реально существующие предметы. Постепенно это ощущение прошло, Андрей вспомнил берег реки, лодочный домик. Но все это предстало перед ним смутно, будто неверно выполненными мазками.

Андрей поднялся и направился к двери. Открыв ее и впустив холодный ветер, он вначале удивился представшему его взгляду пейзажу: мрачному небу и бурой траве. Но затем вдруг понял, что так, наверное, и должно быть. Он вернулся в домик и вдруг увидел на столе планшет. Узнав этот предмет, он взял его в руки, включил. Возникшие на экране дата и день недели ничего не говорили ему.

До сих пор о таких случаях потери памяти он знал только из фантастических историй да мелодраматических сериалов, хотя если бы сейчас кто-то попросил его вспомнить хотя бы одно название, он бы не смог этого сделать.

Поначалу перемена в сознании не показалась Андрею чудовищной, потому что он не знал, с чем сравнить и что, собственно, он хочет вспомнить. Но постепенно, по мере того как начала кусками возвращаться к нему память, и в ней обнаруживались огромные зияющие дыры, Рокотов пришел в ужас.

Все осложнялось тем, что перебирая чередующиеся воспоминания, Андрей начинал думать, что все это – фикция. Может быть, даже имя и фамилия не его, мало ли, что там написано в документах.

Это лишило его сил. Он снова лег, намереваясь уснуть, после чего надеясь вернуться в прежнее состояние, но сон никак не приходил. Между тем, ему стало легче и даже появилось желание поесть.

Он затопил печь, а пока спустился к реке по воду.

Тень метнулась к нему из травы. Он увидел, что это собака.

– Ти... Тира! – поначалу робко позвал он, боясь ошибиться.

И тут же вспомнил, хотя и частично, свой первый день на новом месте.

Следом на тропинке, ведущей к реке, появился Грозный. Он радостно подбежал к Андрею. Тот уже без раздумий назвал его по имени, несказанно радуясь, что с этого момента что-то в сознании начинает выстраиваться. Но все равно пробелы в памяти оставались чудовищные. Предметы вокруг начинали казаться реальными только с того момента, как обрастали ассоциациями и воспоминаниями, с ними связанными. Андрей вернулся в домик, заварил себе высушенное мясо и выпил отвар. Порезал ножом ставшие мягкими куски и долго жевал, прислушиваясь к собственным мыслям. Ему все время казалось, будто он только что появился на свет, потому что кроме степи, собак, домика, огромного тополя над рекой, видневшихся через узкое окошко развалин фермы на другом берегу, все остальное, чего он не мог видеть, казалось выдуманным и несуществующим.

Он вышел на улицу и убедился, что собаки на месте. Подумал, что они, наверное, тоже хотят есть. Сразу память подсказала, что где-то в запасе должна быть тушенка. Он поискал и обнаружил банки в одном из ящиков кровати, достал две и накормил Тиру и Грозного.

Не впадая в панику, весь день он только тем и занимался, что пытался составить картину своего существования, которая хотя бы отчасти удовлетворила его стремление разобраться в

том, зачем он здесь и откуда явился. Это была трудная задача, но главное он вспомнил: брата, его просьбу и удивительные способности Грозного.

Ложась спать, он переживал о том, что будет завтра. Боялся, что снова ничего не вспомнит.

Интуиция не подвела: следующее утро началось опять с порции беспамьяства, но, правда, не в таких масштабах, как вчера, теперь он даже мог увидеть разницу и понять, что все не так безнадежно. По крайней мере, он точно угадал, в каком из ящиков лежит тушенка.

Днем он решил не спать. И завел дневник: записывал на планшет все, чем занимался за день. А перед сном старался заново, сверяясь с записями, вспомнить весь свой день. Это принесло пользу: уже к концу недели, если иногда и обнаруживались провалы в памяти, жить они не мешали.

Со дня выздоровления Андрей стал разговаривать со щенком еще больше, превратившись в совершенного болтуна.

Способности Грозного предстали Рокотову в новом свете – он будто заново разглядел неординарный характер подрастающего пса. Теперь он намерено обострял свои эмоции – радость, недовольство, усталость и прочие – с тем, чтобы его фразы подкреплялись яркостью чувств и отчетливо связывали смысл его речи с поступками. Тщательно подбирал слова. Старался не говорить длинно и делал паузы между предложениями. Ему казалось, что это и ему самому помогает не забыть события дня.

8

Если раньше Андрей Рокотов избирательно относился к выбору передач, то через две недели после своей странной болезни и выздоровления почти не выключал компьютер, ожидая очередное экстренное сообщение.

Началом к сценарию катастрофы послужили тревожные сведения о вспышке неизвестной инфекции сразу на нескольких фермах и в населенных пунктах, расположенных на пахотных участках Барабинской степи. Болезнь носила скоротечный характер и сопровождалась быстротекущей лихорадкой, которую через сутки сменяло полубредовое состояние, переходящее в суточную кому. В некоторых случаях наступала смерть. Но пугала не столько высокая летальность, сколько беда пострашнее: после выхода из комы у всех без исключения выживших наблюдались изменения в психике и стойкий распад интеллекта. Происходило это очень быстро, буквально в считанные дни или даже часы: неостановимая потеря памяти, утрата приобретенных знаний и навыков, вплоть до слабоумия. Разрушение личности шло угрожающими темпами и не оставляло надежды ни одному из заболевших.

Пока маховик эпидемии раскручивался и никто не осознавал масштабов грядущей катастрофы, информационные агентства с обычным своим цинизмом упивались смакованием подробностей в новостях, а для любителей «жареных» сенсаций за короткий срок слепили кучу документальных фильмов и передач, где муссировались разнообразные теории о происхождении болезни – от простых до конспирологических. Естественно, главные обвинения летели в адрес Наследников, которых совсем недавно те же информационные агентства обвиняли в хищении оружия массового уничтожения. Этим оружием, как теперь подозревали, вполне мог оказаться искусственно созданный вирус. Но стоило кому-нибудь упомянуть о том, что вирус (если это и в самом деле был вирус) похищен, собственно, из какой-то правительственной лаборатории (отсюда автоматически вытекал вопрос: зачем он был создан?), как этот человек вызывал на себя волну ненависти большинства. Наивность подобных смельчаков объявлялась преступной, а сами они подвергались всеобщей анафеме. Всех несогласных быстро вытеснили из эфира.

Когда число переболевших, превратившихся в слабоумных, перевалило за некий рубеж, после чего невозможно стало скрывать истинные масштабы бедствия, во всех средствах массовой информации поднялась волна истерии. Отменили развлекательные передачи. По южным западносибирским районам объявили жесточайший карантин с привлечением войск и сил полиции. Его вводили повсюду даже в местах, не подконтрольных правительству, так что боевые действия с Наследниками мгновенно прекратились. Это было единственное положительное обстоятельство, при всех ужасающих последствиях эпидемии.

Поскольку массовые собрания были запрещены, организаторам различных ток-шоу приходилось использовать интерактивный режим включения, чтобы не демонстрировать пустые студии. Во всем этом чувствовался горький привкус трагикомедии. Все ведущие и участники передач, дикторы и редкие люди, которых камеры заставляли на опустевших улицах, ходили только в масках. Лица вообще практически исчезли с экрана, остались только глаза. Сперва это забавляло, затем начало раздражать.

– Будто их это спасет! – ворчал Андрей, впиваясь глазами в рябящее изображение. – Вирус изучать надо.

Впрочем, его раздражение не имело оснований: лучшие умы и без того корпели над проблемой. Различные организации вроде «Врачей без границ» отправляли своих эмиссаров для работы в срочно организованных лагерях в междуречье Оби и Иртыша. Но время работало против них. Пока ученые и врачи ломали головы, пытаясь выявить возбудителя заразы, неизвестная эпидемия распространялась с невероятной быстротой и вершила свою черную

работу. Никто не мог точно назвать ее инкубационный период. Тысячи людей становились ее жертвами: не только дети, старики и немощные всех возрастов, обычно и без того подверженные высокому риску, но даже молодые крепкие люди в расцвете сил. Болезнь оставляла жертве только два неравноценных по вероятности варианта: либо смерть (маловероятно), либо фатальное слабоумие, и этот исход казался еще страшнее, поскольку выбор делал не человек. Кроме того, болезнь не делала различия между каким-нибудь работником умственного труда или работягой: все выжившие по прошествии некоторого времени одинаково теряли способность к труду и познанию, становясь больше похожими на обезьян в людском обличье.

Прошла всего неделя с начала появления первых больных, а уже ни в одном городе или поселке больницы не могли вместить в свои стены всех страждущих. Впрочем, вскоре стало ясно, что это не имеет смысла. Десятки тысяч людей, которым она оставляла жизнь, но отнимала интеллект, предоставленные сами себе, бродили по городам и весям, сами не понимая, куда они идут и чего хотят.

В страхе, что их постигнет та же участь, еще не заболевшие добровольцы организовывали отряды самообороны. Они устраивали заградительные барьеры, отстреливали несчастных, давили машинами, уничтожали другими способами. Боялись впускать живых и пока еще здоровых: подрывали железнодорожные линии, сбивали самолеты, взрывали мосты, лишь бы не допустить вредоносной заразы в свои поселения. Но болезни неведомы были расстояния, она настигала свои жертвы даже в отдаленных уголках. Отчаяние было велико: при начальных признаках заболевания многие предпочитали покончить с собой, лишь бы не стать жертвой болезни, не превратиться в полуживотное, полурастение.

Новости становились все тревожнее. Повсюду закрывались аэропорты, вокзалы, все публичные места, даже магазины. Все заказы шли исключительно посредством сетевых коммуникаций, люди отсиживались в собственных домах. Андрею казалось, что он со стороны наблюдает за светопреставлением. Ученые пока были бессильны: они так и не сумели установить причину болезни и выявить ее возбудителя.

Телепередачи, которые просматривал Андрей Рокотов, закрывались одна за другой, в новостях то и дело объявляли об уходе очередной медийной персоны, при этом не уточнялось, что послужило причиной – смерть или утрата дееспособности. Но вскоре начали отключаться сами каналы. Дольше всех вещали центральные, но однажды утром Андрей включил ноутбук и не смог найти ни одной станции. Он сканировал диапазоны, пытался заменить антенну какой-нибудь рамкой из проволоки подлиннее, но по всем диапазонам был один только белый шум. Вероятно, из-за технических неполадок оказались обесточены ретрансляторы, и некому было устранить проблемы. А то могло быть и хуже: болезнь решила, что хватит ей расплзаться постепенно и, несмотря на все старания, вылезла из карантинных зон, как сдобренное дрожжами тесто. После чего одним прыжком решила прикончить оставшееся человечество – так казалось Андрею.

Все эти дни Рокотов неизменно вспоминал свою недавнюю болезнь и невыносимый ужас почти полного беспомощности, как вспоминал и о том, что сгоревшая ферма считалась опытной – на ней Сергей и его люди проводили какие-то биологические эксперименты.

Он пытался логически связать эти два обстоятельства. Могла ли его болезнь быть вызвана той самой формой вируса или бактерии, что породила эпидемию, причем именно в соседних отсюда районах? Симптомы дьявольски совпадали, если не считать того, что ему каким-то образом удалось сохранить рассудок.

О микробиологии Андрей Рокотов имел весьма поверхностные сведения. Знал, к примеру, что секрет агрессивности вирусов кроется в их потрясающей способности размножаться и разноситься, словно поветрие. Вот почему эпидемия носила столь стремительный характер, а люди не сумели защитить себя строгим карантинном. Но, с другой стороны, насколько он помнил, вирусы не очень устойчивы во внешней среде и не живут долго вне организма. Это не

бактерия, которая десятилетиями может сохранять жизнеспособность даже будучи высохшей, подобно спорам сибирской язвы. Бактерию можно убить антибиотиками, а в данном случае они не помогли. Так что же тогда настоящая причина болезни? Особый вид микроорганизмов? Что если болезнь все-таки была рождена именно на этой ферме? Возможно ли что-то общее между его беспамятством и поражениями мозга у тех людей, которые лишались разума? И причастен ли к этому его брат?

Эти вопросы оставались без ответа.

После того как телеприемник замолчал, Андрей иногда ощущал себя единственным человеком на Земле, оставшимся здоровым и сохранившим рассудок. Впрочем, до конца в это не верил. Даже если глобальный мир окажется беззащитным перед катастрофой, таких людей, как он, находящихся в вынужденной, но временной изоляции, должно оказаться немалое количество.

Но это все были предположения. В том, что другие люди, еще сохранившие способность думать, существуют, ему предстояло вскоре убедиться.

9

Грозный отчетливо замечал растущую тревогу Андрея, особенно когда тот всматривался в сморщенные от помех фигурки людей и слушал их беспокойные голоса. Но у молодого пса были собственные заботы, мешающие проникнуться настроением человека.

Грозный не мог оставаться безучастным к необычному открытию в себе. Пульсирующие в его сознании волны, которые вызывали головокружение и тошноту, но вместе с тем даровали ощущение могущества, требовали к себе особого внимания. Все последующие дни после убийства журавля, Грозный тренировал свое новое умение.

Конечно, та история с птицей не прошла для него бесследно. И как бы Андрей скептически ни относился к своим разговорам с подрастающим щенком, он все же сумел, быть может, сам того не подозревая, достучаться до его сознания. Грозный, пусть смутно, наугад, пытался разобраться в причинах недовольства человека его поступком, и это была очень серьезная работа даже для его выдающегося по собачьим меркам разума. В итоге он пришел к выводу, что всякое одинокое существо, которое не проявляет желаний нападать, а скорее само нуждается в защите, убивать нельзя. По крайней мере, пока человек не даст на это своего особого разрешения. Однако это привитое с помощью человека правило «одиночки» не запрещало Грозному устраивать свою особую охоту на существ, в многочисленности обитающих в степи.

Теперь Грозный каждый день уходил надолго. Добирался до того пригорка, где жили сурки, и выжидал, когда они покажутся наружу. Природа как будто решила сменить гнев на милость, и после заморозков дни стояли на редкость теплые, безоблачные, дул сухой южный ветер. Толстые жители подземелий с удовольствием щипали травку и обожали греться в лучах солнца, необычно жаркого для этого времени года.

Грозный выжидал момент, пока какой-нибудь сурок не приблизится к нему, и тогда включал свой дар. Он срабатывал не всякий раз, а иногда головокружение становилось особенно сильным, настолько, что самому было невмочь двигаться. В таких случаях сурку удавалось сбежать. А так как зверьки хорошо учились на собственном опыте, и дважды туда, где их подстерегала опасность, не совались, Грозному приходилось частенько менять место засады.

Несмотря на трудности, он продолжал свои опыты, учился каждодневно, проявляя к этому особый интерес. Головокружения постепенно становились не такими мучительными, и тошнота сводилась на нет. И в тот день, когда волны впервые запульсировали строго по его желанию, Грозному выпала, наконец, первая удача. А за ней и следующая.

Особенность его охоты заключалась в том, что, когда глупый сурок замирал, подобно истукану, пес и не думал нападать на него, а терпеливо и осторожно приближался с намерением вновь соприкоснуться с чужой памятью. Находясь в прострации, сурок не замечал крадущуюся к нему собаку, не слышал тревожного посвиста сородичей, – вообще ничего не замечал, пока Грозный с интересом прощупывал его незатейливое сознание.

Когда псу наскучивало, он мог «проявиться» в самый неожиданный для грызуна момент, находя это весьма забавным: едва перед сурком возникала раскрытая пасть, полная острых зубов, он приходил в ужас и, испуганно вереща, бросался наутек. Но на этом еще ничего не кончалось. Грозный научился останавливать беглецов по собственному желанию, и тогда бывшее в ужасе крохотное сердечко ждало очередное испытание.

В конце концов, к тому моменту, когда он научился безошибочно вызывать свой дар и распространять волны в нужном ритме, он довел сурков до панического состояния. Грызуны подолгу отказывались появляться наружу. Пришлось искать другой пригорок, где уже обитала семейка сусликов, тоже вполне себе интересных существ. И тогда задуманное им развлечение продолжалось. Все это казалось Грозному довольно любопытной игрой. Но это была игра в одни ворота: если бы Грозный был голоден, она могла закончиться самым неприятным для

жертвы образом. И тогда Грозный неизменно вернулся бы с добычей, готовый разделить ее с человеком. Но, к счастью для сурков и сусликов, Андрей, словно подозревая, зачем пес уходит в степь, хорошо кормил его, и все издевательства над грызунами, в которых Грозный тренировал свою силу, проходили для них даром.

Грозный пробовал экспериментировать на других существах, но мелкие – ящерицы, лягушки, насекомые – оказались не слишком интересными, а память их была чересчур скудна; к зайцам требовался особый подход, барсуков он по-прежнему остерегался, так что сурки и суслики оказались самым подходящим материалом для его опытов.

Опробовал Грозный свой дар и на матери. Скорее из озорства. Единственный раз, он же последний. С ней оказалось труднее: заставить ее не двигаться ему удалось с первой попытки, а вот сознание матери долго не хотело открываться. Растрчивая силы, Грозный проявил настойчивость и, неожиданно для самого себя, пробив оборону, слишком глубоко окунулся в ее память, в слои, где у Тиры хранились самые яркие воспоминания, связанные с нападением на ферму. Образы, что подсовывали Грозному сурки, по сравнению с тем, что он увидел сейчас, показались ничтожно бледными. Обрывки воспоминаний Тиры: картины огня, неслыханный вой животных, крики людей – вызвали в нем форменный ужас, будто он сам пережил все подробности той ночи. В таком состоянии он не мог дольше контролировать мать.

Едва перед Тирой возникла его морда, она не испугалась от неожиданности, как те сурки, а пришла в ярость, и по обыкновению своему, решила задать щенку взбучку, сполна отплатить за все его прошлые непослушания. Поскольку Грозный растратил на свой эксперимент слишком много сил, да и правда была не на его стороне, в этот раз ему досталось крепко. Он даже не посмел огрызнуться, кинулся бежать, едва только мать ослабила хватку.

Однажды Грозный решил испробовать свой талант на Андрее. Тяга к опытам не давала покоя, и неудача с матерью ничему не научила. Человеческое же сознание оказалось еще более сложным, и дольше чем на пару секунд его дар не подействовал. Почуввав пульсирующие толчки, идущие от головы по всему телу, и сопровождающиеся тошнотой, Андрей быстро разобрался, что к чему, и решил в корне пресечь дальнейшие попытки. Он отругал Грозного и до вечера посадил на привязь. Для щенка это был шок:

никогда он не сидел в неволе. Из этого случая Грозный сделал еще один вывод: не стоит употреблять свои способности против Андрея. Когда же Рокотов отпустил его, благодарность его не знала границ, и он носился прыжками вокруг человека, показывая свою радость...

10

Сегодня Грозный предпринял очередную вылазку в сурочьи уголья. По привычке отправился на прежнее место, но там зверьки уже были научены и решили, по-видимому, залечь в спячку раньше времени. Когда он добрел до следующего обиталища грызунов, подул холодный ветер, и небо стало затягивать тучами, естественно, никто из зверьков не пожелал даже высунуться.

Он прождал час, погода становилась все хуже. Ветер вздыбливал шерсть, горстями швырялся песком. Внезапно Грозный услышал какой-то шум, похожий на то, как урчит в желудке, но далекий и слишком неотчетливый. Он не придал бы ему особого значения, если бы шум не доносился со стороны дома.

В тревоге Грозный повернул назад.

С порывами ветра доносились запахи. Чужие и неприятные. Грозному показалось, что он знает их, и он вспомнил ужас матери, передавшийся ему пару дней назад, когда он на мгновение заглянул в ее память.

С еще большей силой забилося предчувствие опасности. Что-то грозило человеку. Выскочив на дорогу, Грозный остановился и прислушался. Шерсть на холке вздыбилась. Ему было одновременно и страшно, и тревожно, и злоба зарождалась внутри – от того, что кто-то непрошенный посмел вторгнуться в их владения.

Однажды, когда Грозный был маленьким, а человек только появился в их жизни, возле сгоревшей фермы появилась парочка волков. Эти хищники по силе и выносливости значительно превосходили своих одомашненных родственников. Они могли сутками идти без отдыха, преодолевая огромные расстояния, способны были неделю провести без пищи, но при этом сохранять боеспособность. Так случилось, что путь этой парочки проходил мимо сгоревшей фермы, и сигнал отпугивателя заставил их отклониться от курса и сделать небольшой крюк. Так что встреча собак и волков могла не произойти, но по случайному совпадению именно в тот день и час Андрей устроил вылазку вдоль противоположного берега реки. Тира со щенком отправились с ним.

С волками мать и сын столкнулись на берегу укрытого камышами озера. Оголодавшая серая парочка, устав от перехода, как раз искала какую-нибудь живность, чтобы подкрепиться, а тут сука со щенком выскочили из зарослей чуть ли не в десяти метрах от них. Тира, конечно, могла учуять опасность, но дул сильный боковой ветер, который сносил любые запахи и звуки. Вдобавок от его порывов так громко шелестел тростник, что даже для волков с их великолепно тренированным слухом появление собак стало неожиданностью. Волки переглянулись и, недолго раздумывая, быстро переключили интерес на незваных гостей.

Грозный отчетливо запомнил запах этих зверей. Их дух вызвал у Тиры приступ паники. Она не могла бросить щенка и начала хрипеть и рычать, должно быть, рассчитывая, что волки не решатся броситься сразу, а там подоспеет идущий позади человек. Грозный чувствовал, насколько объята ужасом мать. Ее страх передался и ему. И когда волки медленно двинулись к ним, он тоже зарычал. Второй раз в жизни ему тогда удалось воспроизвести этот рокошующий тяжелый звук, рожденный не движением голосовых связок, а шедший откуда-то из нутра его души. В первый раз это произошло спонтанно, он даже сам не понял, как это вышло. Сейчас он зарычал скорее от страха. Этот клокошующий звук продолжался всего лишь на одном выдохе, и если бы щенок захотел повторить его снова, ничего бы не получилось.

Его рык одинаково подействовал и на волков, и на мать. Все трое содрогнулись от пугающей вибрации в теле, которая длилась всего лишь мгновение и действовала подобно удару тока.

Тут появился Андрей. Он среагировал молниеносно и выстрелил, едва сняв карабин с плеча. Однако не попал. Напуганные хищники в один миг скрылись в зарослях. Андрей переживал, что серые могут еще доставить неприятностей, но волки были опытные, по всей видимости, хорошо знали, что человека нужно опасаться, и больше не появлялись.

Грозному было тогда безумно интересно: куда же побежали эти большие и страшные звери? Он разрывался между этими двумя чувствами: любопытства и страха.

То же самое он испытывал и сейчас.

Незнакомые запахи были очень сильны. Тянуло дымом, но не таким, как от печи, а гораздо более въедливым и неприятным. Отчетливо пахло металлом и резиной.

Хлесткие звуки выстрелов донеслись до него. А затем крики. Вновь раздался тот рокот, который он услышал первоначально, и становился все громче.

Преодолевая проснувшийся в нем ужас матери, Грозный вжался в траву. Теперь он боялся того, что некогда видела и слышала Тира – так похожи были эти звуки и запахи. Он лежал, слыша, как приближается что-то грохочущее. Страх приказывал мчаться куда-нибудь без оглядки, но Грозный не двигался с места – чувство долга и привязанности к человеку оказалось сильнее.

Какое-то грузное и огромное чудовище, стуча и рыча, пронеслось по дороге, поднимая тучи песка. Едва опасность миновала, Грозный помчался к дороге и внезапно учуял запах Андрея. Он побежал вслед за клубами дорожной пыли, оставляемой чудовищем, но оно двигалось слишком быстро – не догнать. Грозный остановился в растерянности. Повернул к дому. Андрей должен быть там. Человек всегда был там.

Грозный углубился в траву, намереваясь сократить путь. Когда он выбежал из зарослей, жар огня заставил его отпрянуть. Домик человека был объят пламенем, оно перекинулось на сухие ветви тополя и постепенно подбиралось к стволу. Трещали горевшие доски, невыносимо тянуло гарью. Повсюду был запах чужих следов. Его немного озадачили следы, имевшие родственный, близкий запах – другая собака была здесь.

Грозный подбежал к огню, очень близко – жаркое дыхание грозило обжечь. Он вслушивался в гудение пламени, надеясь узнать, не прячется ли Андрей там – внутри.

Залаял. Никто не ответил ему. Как сумасшедший, щенок носился вокруг, в хитросплетениях отпечатков пытаясь разобраться, куда ведут следы Андрея или Тиры. Наконец уловил запах матери, уходящий к берегу. В несколько прыжков он очутился внизу и увидел Тиру.

Собака лежала на песке, вытянувшись в струнку, шерстка ее была обагрена кровью. Грозный прикоснулся к матери носом, она никак не отреагировала. Он лег и лизнул несколько раз ее мордочку, но и сейчас не почувствовал ни дыхания, ни движения.

И тогда Грозный завыл. Голос его, немного хриплый, менял тон от высокого к низкому, как будто он пел песню, исполненную тоски и горя. Ему вторил ветер, завывающий в голых ветвях многострадального, съедаемого пламенем тополя.

Ветер подхватил траурную песнь Грозного и понес над степью – много дальше тех мест, где бывал молодой пес. Печаль, и вместе с нею отчаяние, которое овладело псом, разливалась вокруг.

Наступил вечер, за ним пришла ночь, и все это время Грозный лежал возле Тиры, недвижно и тихо, иногда вздрагивая и приподнимая голову, будто прислушиваясь – ему казалось, что она пошевелилась. Но нет, это всего лишь ветер трепал волоски ее шерсти.

На восходе Грозный оставил ненадолго мать и вернулся к сгоревшему домику. Похожие на змеиные следы большого и тяжелого чудовища, которое встретилось ему на дороге, казались бесконечными, от них несло резиной. Грозный не мог представить в точности, что же именно случилось. Но пытливый ум его выдвигал предположения, искал образы, которые он мог бы сопоставить с обнаруженными запахами. Он вспомнил события ночи, которую подглядел в

сознании матери. И постепенно родился в нем примерный образ этого чудовища, существа со странными круглыми ногами.

Представил он и людей, побывавших здесь. Их многочисленные следы были повсюду. Так же он понял, что друг исчез не по собственной воле, поскольку пролита была его кровь – капельки ее Грозный учуял возле тех отметин, похожих на змеиные, где следы Андрея терялись вместе со следами чужих людей.

Грозный и раньше догадывался, что другие люди существуют. Он никогда их не видел по-настоящему, только слышал голоса и улавливал иногда фигуры в испорченном помехами изображении, которое показывал ноутбук Андрея. Все это были неясные формы. Но теперь он твердо знал, что, как бывает множество сурков, мышей и других обитателей окрестных мест, так же должны водиться и двуногие существа, похожие на Андрея.

Другие люди – они пришли, чтобы забрать Человека. Они пришли, чтобы сделать больно и плохо одинокому существу, которому было страшно от их присутствия.

Чужие. Плохо. Боль. Страх...

Он спустился вниз к матери. Недолго еще полежал рядом с ней, а затем им овладело странное желание. Он вспомнил, как отнесся Андрей к убитому им белому созданию, которое он ошибочно принял за бабочку. «Птица» – он это хорошо запомнил.

Грозный долго рыл яму в песке, а когда она стала достаточно глубокой, как сумел, расширил и, подхватив Тиру зубами за ошейник, сволок ее на дно и начал засыпать песком. Все это он проделал без усталости, не прерываясь ни на секунду. А когда закончил – натаскал камней, стараясь выбирать покрупнее, чтобы только-только вмещались в пасти. Все их он водрузил сверху небольшой горкой. Что-то еще беспокоило Грозного. Он сбегал наверх и, обезжав пространство, выкопал из-под земли одну из припрятанных костей и принес на берег, подрыл с краю песчаного холмика еще одну небольшую ямку, куда положил свой подарок и носом присыпал еще песка.

Только довершив работу, он позволил себе отдохнуть.

Если бы какой-нибудь ученый человек наблюдал за действиями Грозного со стороны, он был бы озадачен.

А если бы хватило смелости рассказать об этом другим ученым, неизбежно начался бы яростный спор. Одна часть высоколобой братии твердо стояла бы на том, что это результат естественного стремления во всем подражать человеку, другие попытались бы робко оспорить данное суждение и доказать, что побуждением к этому могли выступить внутренние причины.

Несомненно одно: сознание Грозного было вовсе не темным, но что за разум прятался в нем, не знал даже Андрей, который имел право назвать себя первооткрывателем. Точно так же никто не мог знать, действительно ли у собаки все тот же набор органов чувств, что и у человека, или гораздо шире. Никто еще не был в шкуре другого существа, и вовеки тайной останется, как именно оно думает и что именно чувствует. Стремясь понять, человек может подключить воображение, но за основу всегда возьмет собственное мировосприятие, на которое приходится проецировать чужие поступки. Это естественный, и далеко не верный путь к открытию. Впрочем, другого и не дано...

В то же утро, оставив за собой сторевший тополь, обугленные остатки человеческого жилища под ним и песчаный холмик на берегу реки, Грозный отправился по следу. Он повиновался желанию отыскать друга, какие бы препятствия его ни ждали.

Часть 2. Сумрачная болезнь

1

Отступившее на какое-то время сознание вернулось к Андрею, принеся с собой гул и отчетливо ощущаемую вибрацию. Ему почудилось, что это снова озорует Грозный. Однажды на собственной шкуре ему довелось испытать на себе дар Грозного, и он хорошо запомнил это неприятное состояние. Сначала возникло ощущение неправдоподобной тишины. Затем откуда-то накатила страх, а во всем теле возник пульсирующий фон, схожий с гулом, какой иногда бывает в голове. И тогда стало жутко, а к горлу подступил комок тошноты. Но, по счастью, попытка Грозного окончилась неудачей и заслуженным наказанием...

Андрей вдруг ощутил, что может пошевелиться.

Лежа на животе, он сделал глубокий вдох и закашлялся от вонзившейся в легкие пыли. Это помогло быстрее прийти в себя. Он приподнялся на локтях, повернул голову и открыл глаза, чтобы осмотреться.

– Эй, док, очнулся?! – раздался голос откуда-то сверху.

Андрей увидел два тяжелых сапога перед собой, от них взгляд его перебрался выше, заметив выцветшую военную форму сидевшего на скамье человека, скользнул по звездочкам, определив капитана, и наконец уткнулся в рыжебородую физиономию.

– Давай, подымайся, – сказал капитан.

Но прежде чем последовать совету, Андрей глянул по сторонам и понял, что находится в кузове движущегося грузовика. Сквозь дыры в брезенте внутрь крытого пространства вливался свет, проявлял себя в столбиках пыли.

Андрей приподнялся, и сразу чувствительно заныло в затылке, встать он не сумел, сел пока, осматриваясь. Кроме рыжебородого, здесь находились и другие люди в военной форме – с такими же хмурыми физиономиями и отросшими бородами, за которыми, как за карнавальными масками, прятались лица. Навскидку – больше десяти человек, остальных Рокотов видел не отчетливо, только сумрачные фигуры. Еще заметил собаку, в самом углу, возле ног молодого солдата и вначале подумал, что это Грозный (было плохо видно), но потом сообразил, что псина – чистокровная немецкая овчарка, причем, похоже, сука.

Те, кто сидел рядом, без особого интереса поглядели на Рокотова, и безразличие вновь овладело ими. Одна только собака будто сверлила его взглядом и настороженно двигала ушами.

Рокотов ощупал затылок. Похоже, вырубил крепким ударом – с того момента, как он очнулся, проснулась и ноющая боль, теперь достигшая своего апогея: при каждом движении головой пронзала мозги насквозь. Двинули с умом: придишь удар чуть ниже, и Андрею конец. Кто именно ударил, он не знал, но помнил, что приказал этот – с рыжей бородой. Сухопутный капитан, дьявол бы его забрал...

Снова попытался встать. Рыжебородый схватил за руку и помог, притянув к себе.

– Извини, друг, что так получилось, – сказал он. – Доктора нынче на вес золота! Да что там золота. В тыщу раз дороже, сам понимаешь!

– Настолько дороже, что чуть не убили? – Андрей ощупал затылок и почувствовал запекшуюся кровь между волосами.

– Ну, не убили же. Хотя право имели полное. Дезертир, как-никак.

Андрею показалось, что капитан снисходительно улыбается в усы.

– Ладно, не бойсь. Сами дезертиры. Какое звание?

– Полковник медицинской службы, – нехотя ответил Рокотов, учитывая, что капитан уже наверняка проверил его документы, пока он валялся в беспомощности.

– Ну, положим, с полком ты совладать не сумеешь! Или сможешь? – издевательски, но без особой злобы усмехнулся капитан. – Быстро у вас звания растут. У нас не так... Да только на кой они сейчас нужны, эти звания. Ты хоть знаешь, робинзон, что в мире творится? Тебя-то как, «сумрачная» хватанула уже, или еще нет?

– Сумрачная – это что?

– Болезнь, болезнь, что же еще, – недовольно почесал бороду усы капитан. – Ты прям как с луны свалился.

Андрей ничего не ответил. Капитан что-то продолжал говорить, но он не слушал. Некоторое время понадобилось, чтобы вернуть к порядку память и отчетливо вспомнить все, что произошло.

Он сидел в домике, отдыхая после заготовки дров, и включил компьютер, чтобы поймать какую-нибудь станцию – на случай, если вещание возобновилось, но по всем каналам встречал одну только шипящую пустоту. Андрей выключил устройство, правда, шипение не исчезло. Затем обманутый поначалу слух уловил басистый гул с улицы. Сомнений не было – это машина.

Прекрасно понимая, что в такое беспокойное время опасны любые гости, Андрей схватил карабин и через люк, ведущий вниз, туда, где должна была храниться лодка, прыгнул прямо в воду. Когда выскочил из домика, его маневры заметили с дороги. Андрей даже не успел отбежать на десяток метров, как по берегу и по реке пустили автоматные очереди, отрезая путь. Пришлось метнуться обратно и спрятаться за домиком.

Вероятно, нападавшие сомневались, один здесь человек или нет, – может, этим объяснялось то, что, к удивлению Рокотова, чужаки решили вступить в переговоры. Им требовались продукты, взамен они обещали убраться. Ободранные, чересчур оголодавшие и хищные. Такие просто так мимо не проехали бы.

Андрею пришлось согласиться. Сделка сделкой, а в щепки разнести жилище и его самого убить они могли в любом случае, вне зависимости от поставленных условий.

Он выжидал решения судьбы под мушками оружейных стволов, глядя как грабят его хозяйство. Не отобрали только патроны, однако карабин разрядили и закинули далеко в траву, чтобы Рокотов не воспользовался им сразу, как только уедут. «Мне ни к чему проблемы!» – заявил капитан с рыжей бородой, – он оказался их предводителем. Убедившись, что взять больше нечего, вояки собрались уезжать.

Рыжебородый, как бы извиняясь, похлопал Андрея по плечу и – так, скорее, ради любопытства – спросил, какая у него профессия. Нет бы соврать, но Андрей сказал правду, умолчал только о своей принадлежности к армии. Да, впрочем, одного слова «врач» оказалось достаточно, чтобы в глазах рыжебородого мелькнул особый интерес. Он дал знак своему человеку, и тот ударил Рокотова сзади по голове. Умело приложился.

О том, что случилось дальше, Андрей не знал. Когда его в бессознательном состоянии закинули в кузов грузовика, из зарослей выскочила Тира. До этой минуты она пряталась в траве, в страхе наблюдая за происходящим. Появление людей, тяжелый запах выхлопа, резины и металла вызвали у нее панический ужас, напомнив о разгроме фермы. И только в тот момент, когда Андрея ударили, сука не выдержала и выскочила из укрытия, с лаем принялась носиться вокруг, боязливо прижимаясь к зарослям. Кто-то из солдат выстрелил в нее. Взвизгнув, Тира помчалась к реке.

Рыжебородый отругал бойца – не за выстрел, а за позорный промах. Он сам спустился к берегу, взглядом отыскал прихрамывающую суку, и метким выстрелом добил без особых раздумий. Вернувшись к грузовику, велел солдатам поджечь домик. Им двигала не злоба, он действовал расчетливо и со знанием дела. Собаку застрелил из гуманных соображений, дабы не мучилась, а поджег это хлипкое жилище – так туда ему и дорога...

Ничего не зная об этом, Андрей здорово переживал за собак, хотя и надеялся, что они сумеют обойтись без него. Верным и спокойным ему представлялся тот вариант, что никто не узнает о повадках и характере Грозного. Со своим талантом щенку лучше держаться подальше от людей.

Андрей вспомнил о компьютере брата: устройство или осталось в домике, или кто-то из солдат присвоил его себе. Андрей испуганно сунул руку в карман брюк, нащупал флэшку, на которую он благоразумно продублировал данные. По счастью, солдаты не позарились на нее.

Рыжебородый велел звать себя капитаном Китом, как будто нарочно скрывал свое настоящее имя. Впрочем, как заметил Рокотов, никто из солдат не называл друг друга по-человечески – употреблялись только какие-то клички, иногда лишь отдаленно напоминающие производные от фамилий, а то и вовсе образованные непонятно от чего.

Вскоре он понял, почему так. Виной всему оказалась «сумрачная» – болезнь, о жутких последствиях которой он уже был наслышан. Она поразила всех бойцов в отряде, включая самого командира. И каждое утро они проходили тот же ритуал, который в свое время проделывал Рокотов – долгий поиск себя и собственной памяти. Капитан Кит тоже сообразил вести дневник: он помогал ему быстро восстановиться, хотя значительная часть событий оставалась за кадром. Он же и начал называть солдат кличками, поскольку навскидку мог вспомнить лишь отдельные имена и фамилии. В виде исключения даже себя он разрешил солдатам называть, как им приходило на ум, – вместо Китоврасова обыкновенным Китом, как они наверняка прозывали его меж собой раньше.

Рассказывая историю своих злоключений, капитан Кит утомлял своей болтовней. Видимо, Андрей, несмотря на говорливость с Грозным, по-настоящему отвык от человеческого общения.

– Кусками помню, – жаловался капитан. – И еще по времени разница есть. Вот старослужащих более-менее вспоминаю, а новеньких с трудом. Слава богу, они сами свои имена помнят. Задание тоже помню, но где вчера ночевал – только навигатор отметки делает. А так – если запись не делал, не вспомнить! Помню только то, что давно было или так хорошо въелось, что никакой кислотой не вытравишь.

Внезапно замолчав и не сводя с Рокотова напряженного взгляда, капитан задумался, нервно покусывая губами усы.

– А ты что, еще не болел?

Он произнес это с каким-то затаенным расчетом на то, что ответ Андрея не окажется положительным. И когда Рокотов произнес: «Болел», капитан, показалось, даже вздохнул с облегчением, как если бы чумного человека задевало, что есть еще где-то здоровые люди, и он посчитал бы это несправедливым.

– А сейчас как с памятью? – спросил Кит.

– Скверно.

Андрей выдержал его прямой взгляд, надеясь, ничем не выдаст своей лжи. И что небеса не покарают за этот явный грех.

А Бог простит. Всех простит.

Впрочем, он ведь не совсем врал. Была у него болезнь. Может, и не та, но похожа. И к тому же отдельные моменты до сих пор зияли пробелами.

– Тебе не повезло, приятель, – усмехался капитан. – А с другой стороны, не иначе – судьба. Да ты не переживай, с нами не пропадешь!

Вскоре Андрей узнал, что солдаты заблудились, выискивая хоть какой-нибудь мост, чтобы перебраться на другую сторону реки. Их случайно занесло на дорогу, где находилась сгоревшая ферма. Как он понял из дальнейших объяснений капитана, их отряд на двух машинах двигался с юга на северо-восток уже больше недели, старательно огибая любые населенные пункты.

Километрах в пятидесяти отсюда они обнаружили разрушенную переправу, но река в том месте была слишком глубока и широка, вброд не преодолеть. Пришлось разделиться, чтобы разведать окрестности. Капитан Кит на одной машине двинулся на юго-восток, вторая машина пошла на север. Они поддерживали между собой связь, благо в отсутствие помех в эфире, сигнал был хорош даже на большом расстоянии.

По иронии судьбы они нашли мосты одновременно. Однако если второй отряд обнаружил крепкий мост и выезд на хорошую асфальтированную дорогу, где проходила федеральная трасса, то Кит – заросшую колею, хлипкий узкий мостишко, который не то, что переехать, а перейти страшно, – да сгоревшую ферму и человека. Но зато какого человека – «Архинужного!» Он не скрывал от Андрея своей радости.

Слушая его, Рокотов с тоской думал о том, что если бы грузовик, в котором находился капитан, ехал чуть медленнее, вояки раньше повернули бы к своим. И тогда он не сидел бы сейчас в кузове со жгучей болью в затылке и не переживал за брошенных питомцев. Но, впрочем, судьба – штука хитрая.

Как объяснял Кит, его подразделение контролировало южные рубежи где-то далеко отсюда, на юге содружества, служа заслоном для торговцев оружием, которые тайными тропами переправляли свой товар Наследникам. С большой землей контактировали раз в две недели, когда прилетала вертушка. Вскоре после того, как в эфир пошли тревожные новости, очередного вертолета не дождались. Встревоженное командование обещало через несколько дней отправить новую машину, однако и та не прилетела, да вскоре связь и вовсе оборвалась: замолчали все бастионы, которые входили в состав округа. В точности так же, как у Рокотова, радиостанции только шипели на всех волнах, пусто было и на волнах обычного радио в мобильных, телесигнал тоже исчез. Теперь, по прошествии стольких дней, капитан Кит был даже рад, что ни тот вертолет, ни какой-нибудь другой так и не добрался до его отряда.

– Наверняка пилоту стало худо, ну и гробанулись! – говорил он Андрею. – А ведь могли и к нам заразу притащить!..

На самом деле все это Кит помнил из коротких видеозаписей. Не стесняясь Рокотова, он при нем несколько раз наговаривал что-то в черную коробочку мобильного. Это выглядело примерно так:

– ...в пятнадцать ноль-ноль подобрали чувака. Домик у реки. Дерево большое. Сгоревшая ферма. Говорит, что врач. Рокотов. Сейчас шестнадцать сорок, едем на воссоединение со второй группой. Передали, что нашли мост. Что еще... Да нихера пока... Рассказываю ему нашу историю...

И капитан Кит снова продолжал свою болтовню. Он рассказывал красочно, даже художественно и с воодушевлением, будто старался добавить убедительности своим словам, или таким образом усиливал значимость собственных воспоминаний, чтобы лучше сопротивляться «сумрачной болезни»:

– Ни приказ, ни Устав не могли бы нас удержать на месте! Обет верности хорош, когда есть что пожрать, а в тех местах, где мы пребывали, днем выше сорока, а ночью кровь стынет от холода, плюс еще нужно постараться добыть живых тварей, которые могли бы пойти в постоянный рацион солдат. А уж нормальной воды тем более не достать – кругом одни солончаки!

Все как на духу, выкладывал Андрею капитан Кит: он пораскинул мозгами и решил, что приказ приказом, а надо делать ноги. Почти сотню километров отпахали они по пустынным местам, по долам по горам, пешком, с полной выкладкой, пока не добрались до более-менее пригодных к жизни мест.

– Ты не представляешь, что было с нами, когда мы дошли до первой речушки! – делился впечатлениями Кит. – Вот это-то я отлично помню! Это, брат, скажу тебе, такая штука!.. Зашибись! Не-е, тебе не объяснить, это ж надо видеть, самолично прочувствовать!..

С того момента, как отряд Кита увидел воду и зелень, психологически стало гораздо легче. Они вышли на какую-то дорогу и долго топали до первого селения. Это было крохотное сельцо, находившееся в богом забытом месте, где кто-нибудь чужой не появлялся, быть может, целыми месяцами. Вместо того чтобы продемонстрировать гостям щедроты восточного гостеприимства, хозяева встретили солдат автоматными очередями и выстрелами гранатометов. Возможно, это были те самые «оружейные бароны», на которых совсем недавно безуспешно охотилась рота. Кит и сейчас исходил бессильной злобой и осыпал проклятиями мразей, из-за которых потерял в том бою больше половины отряда. Его даже не утешила незавидная судьба оборонявшихся: несмотря на потери в личном составе, бойцы в щепы и пыль разнесли лачуги, откуда в них стреляли, а потом, озверевшие от ненависти, прикончили всех, кто еще дышал. Судя по рассказу Кита, те, кому повезло выжить в бою, оттянулись славно, нашли кучу продуктов, нажрались от пуза и сумели набраться сил для следующего рывка. Их тянуло на север, подальше от пустынных мест и степей, поближе к родным лесам.

В следующем попавшемся на пути небольшом поселке им они увидели мертвые улицы, пугающие своей тишиной. Солдаты кое-что слышали о болезни из новостей, но тогда еще не знали ее реальных масштабов, и не думали о том, что она так скоро может забрести в эти края. В противном случае обошли бы стороной.

– Но, впрочем, людей в поселке не было – ни больных, ни мертвых, – говорил Кит, как будто зачитывал текст из книги. – Только ветер гонял сухие кусты перекасти-поля. Вскоре по дороге нам стали попадаться тела растерзанных степными хищниками местных жителей. Довольно много трупов. Не сразу я связал эти находки с эпидемией. От жары мозг плавился, вновь накинувшиеся жажда и голод мешали думать. Когда в голове снова потекли ясные мысли, я понял, что обитатели поселка, лишившись разума, разбрелись кто куда, в результате чего стали легкой добычей...

Андрей слушал его речь и представлял все эти картины вживую.

– Впредь я зарекаюсь заходить в населенные пункты. Когда пошли настоящие дороги, поля и фермы, нам начали попадаться кучи брошенной техники. Изредка вдоль дорог встречались люди – как правило, ходячие безмозглые создания, которых солдаты окрестили «туловами». Идут себе непонятно куда, ничего не соображая. Подходить к ним близко мы остерегались – боялись подцепить заразу. Если замечали, что кто-то приближается к дороге, стреляли, не дожидаясь, пока наши пути пересекутся...

Впрочем, это не помогло солдатам избежать болезни.

«Сумрачная» навалилась на них внезапно, поутру. После жесточайшего ночного приступа лихорадки, когда вся рота корчилась от трясучки и высокой температуры, они проснулись почти в полном беспамятстве. Но, поскольку их было много и у каждого вспыхивали разные воспоминания, это ускоряло процесс восстановления. К тому же Кит имел давнишнюю привычку делать записи на диктофон мобильного, которые очень помогли ему в первый день, когда едва не началась паника, и солдаты могли разбежаться «как дважды два».

– Теперь-то они, дурни, понимают, что надо держаться друг за друга. А то выскочит все из головы – не соберешь. И станешь «туловом»! Эй, парни, верно говорю?!

«Парни» вразнобой что-то замычали в ответ.

Андрей снова вспомнил свою болезнь и с радостью подумал о том, что сейчас не испытывает таких проблем. Возможно, скученность людей имела свою оборотную сторону, и всем им вместе сложнее было избавиться от засевшего внутри вируса, который мог гулять от тела к телу.

Но капитан Кит не давал времени на осмысление этой идеи. Продолжил докладывать о своих злоключениях.

– Мне хотелось двигаться быстрее, идти пешком становилось невмоготу. Поначалу я, заметив какой-нибудь застывший вдали грузовик или автобус, отправлял вооруженного

дистанционной камерой бойца в разведку, но при малейшем подозрении на неладное гонца отзывал обратно, а то мог и пристрелить, чтобы не принес инфекцию в лагерь...

И Кит рассказал, как поступил так однажды, когда камера зафиксировала, что солдат споткнулся о мертвое тело и упал на него, но тело оказалось живым. Солдат долго барахтался, пытаясь высвободиться из объятий умалишенного человека, готового хвататься руками за все подряд. Наконец, вырвался и побежал к своим. Но капитан хладнокровно снял и «тулово», и бойца на расстоянии.

Об этом он рассказывал Андрею без особого сожаления:

– Епть!.. Я мог бы бросить его там. Но по мне так лучше сдохнуть, чем оказаться одному в тех местах. Да еще больному!

Грузовики они отбили в конце концов у живых. Однажды на глухой дороге в небольшом перелеске встретили автоколонну. Перестреляли из засады. Три машины после атаки пришли в негодность, две достались в их пользование. Оказалось, это трудяги ехали с какой-то далекой вахты в казахских степях. По сути, такие же страдальцы. Но Киту было не до жалости. Он со смехом рассказывал о том, что машины в колонне оказались как на подбор: похожие друг на дружку, будто куплены были в один день, даже знаки и бортовые номера шли по порядку. Машины были старые, сильно изношенные. Но тут уж выбирать не приходилось. А сей факт капитан Кит бережливо занес в память диктофона и даже дал Рокотову прослушать эту плохо разборчивую из-за дребезжащего смеха запись.

Рокотов даже не пытался представить себе картину расправы над людьми, которые, вероятно, сами стали жертвами «сумрачной» и пребывали в полной растерянности. Возможно, они помнили о своем доме и стремились попасть в родные места. В любом случае, в отличие от «тулов», они жили и думали, пока не наткнулись на отряд капитана Кита.

Андрей больше не вслушивался в дальнейшую речь капитана, выхватывал только отдельные слова, иногда фразы и кивал, делая вид, что внимает его болтовне. Голова все еще ныла, хотелось обработать рану, но просить об остановке Андрей почему-то считал ниже своего достоинства.

Его желание, впрочем, вскоре было удовлетворено.

Водитель слишком резво вел машину, его подгонял капитан, который жаждал скорее воссоединиться со второй группой, пока не наступила ночь. Машина и без того была не новая, и следовало отнестись к ней с должным почтением, но солдат, сидевший за рулем, больше привык подчиняться, чем думать. Он гнал так быстро, насколько позволяла дорога, а перед ухабами вдавливал педаль тормоза в пол, иной раз колеса шли юзом. Проехав кочки, тоже не слишком медленно, он снова утапливал газ. И так – раз за разом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.